

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

ISCA

№2 (5) 2024 г.

MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA

Has been published since 2020

No. 2 (5) 2024

Astana 2024

**EDITORIAL TEAM OF THE JOURNAL
MEDIEVAL HISTORY OF CENTRAL EURASIA**

CHIEF EDITOR

Doctor of historical sciences,
Assistant Professor
Nursultanova L.N.

EDITORS:

- **Qydyráli Darhan** Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
- **Muminov A.K.** Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
- **Samashev Z. S.** Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
- **Abuseitova M. K.** Doctor of Historical Sciences, Professor (Kazakhstan)
- **Sabitov Zh. M.** PhD in Political Science (Kazakhstan)
- **Golden Peter B.** Dr., Professor (USA)
- **Kradin N.N.** Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
- **Erdélyi István** Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungary)
- **Uzelac Aleksandar** PhD in History (Serbia)
- **Mirgaleev I. M.** Candidate of Historical Sciences (Russia)
- **Zaytsev I. V.** Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
- **Petrov P.N.** Candidate of Historical Sciences (Russia)
- **Nagamine Hiroyuki** PhD in History (Japan)

Editorial address: 8, Kabanbay Batyr avenue, of.316, Nur-Sultan, Kazakhstan, 010000
Tel.: (7172) 24-18-52 (ext. 316)
E-mail: medieval-history@isca.kz

Medieval History of Central Eurasia
Owner: Astana International University
Periodicity: quarterly
Circulation: 500 copies

CONTENT

F.E. Eren BEŞKAZA YÖRÜKLERİNDE DEVECİLİK FAALİYETLERİ ve DEVE KÜLTÜRÜ.....	5
A.Kazhigaliyeva , ENGLISH MEDIUM INSTRUCTION POLICY AND PRACTICE IN THE MULTILINGUAL CONTEXT OF A PRIVATE UNIVERSITY IN KAZAKHSTAN.....	20
Жакьянова А.М., Байсадахаова И.У., ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОВ В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «SOFT POWER».....	39
Андрей Шидловский, Ригина Сысоева, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В БЕЛАРУСИ.....	50
Г.К.Асанова , ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНОГО И ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРОВ НА ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ЗАРОЖДЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАЗАХСКОГО НАРОДА.....	74

MPHTI: 03.91

BEŞKAZA YÖRÜKLERİNDE DEVECİLİK FAALİYETLERİ ve DEVE KÜLTÜRÜ

F.E. Eren

doktora öğrencisi Muğla Sıtkı Koçman Üniversitesi,
Muğla, Türkiye erenfehmieroglu@gmail.com

Özet. Türk kültürünün temel öğelerinden olan konargöçer hayat, geçmişten günümüze uzanan bir yaşam biçimidir. Belirli mesafeler arasında yaylak ve kışlaklarda ikamet eden konargöçer Türkler, tarihin çeşitli dönemlerinde çeşitli hayvanları evcilleştirmişlerdir. Devenin evcilleştirilmesine dair ilk faaliyetlerden, M.Ö. 4000'lerde Özbekistan topraklarında gerçekleşmiştir. Meydana gelen bu gelişmeyi takiben develerin zor koşullara dayanması, ağır yüklerin nakliyesindeki faydası, açlık ve susuzluğa karşı direnci, beslenmede seçici olmayışı ve etinden, sütünden, tüyünden, derisinden faydalanılabilirliği neticesinde, deve yetiştiriciliği Türkistan coğrafyasına yayılmaya başlamıştır. Sosyal hayat içerisinde edindiği konumla deve, zamanla mitolojik ve kültürel manalar atfedilen bir hayvana dönüşmüştür. Eski Türk dininde tanrıların binek aracı ve güç timsali olduğu fikri kabul görmüştür. İslamiyet'in kabulü sonrası, Hz. Peygamber'in binek hayvanı olması sebebiyle Türkler arasında devenin değeri daha da artmıştır. Türkler, göç ettikleri yeni coğrafyalara develerini de götürmüş ve onlardan faydalanmıştır. Yurt edinilen bu coğrafyalardan birisi olan Beşkaza topraklarında, deveciliğe dair ilk izler M.S. 12.-13. yüzyıllara dayanmaktadır. Coğrafyanın dağlık yapısı ve Türkistan'dan itibaren tatbik edilmeye devam eden konargöçer hayat ile develer, Yörüklerin adeta birincil öznesi durumuna dönüşmüştür. "Yörüğü Yörük eden devesidir, Yörüğü bey eden katarıdır" sözüyle toplum nazarındaki yeri belli olan develere yönelik zamanla çeşitli halk inanışları, sözlü kültür ürünleri, beşeri unsurlar, tıbbi uygulamalar geliştirilmiştir. Çalışmamızda yazılı kaynaklar ve kaynak kişilerden elde edilen bulgular ışığında Beşkaza Yörüklerindeki deveciliğin tarihsel kökenleri, yetiştirilen deve türleri ve develerle ilgili kültürel öğeler incelenmiştir.

Anahtar Kelime: Beşkaza, deve, deve kültürü, Yörük.

GİRİŞ

Ülkemizde başta Toroslar olmak üzere Ege Bölgesi ve Rumeli'de yoğunluk gösteren Yörükler, yazın yaylalarda, güzün güzlelerde, kışınsa kışlaklarda yaşayan konargöçer halk gruplarıdır. Kimi zaman 20-30 haneden kimi zaman 100 veya 500 haneden oluşan ¹ Yörüklerin, başlıca gelir kaynağı hayvancılıktır.

¹ Musa Seyirci, Batı Akdeniz Bölgesi Yörükleri, Der Yayınları, İstanbul 2000, s.3

En çok koyun, keçi ve deve besleyen Yörükler için² iktisadi ve sosyal hayatları sebebiyle göçmek, doğal bir durum olmuştur. Gerçekleştirilen göçlerde yüklerin nakli develerle sağlanmıştır. Onların güçlü ve kuvvetli oluşu, zorlu yaşam koşullarına dayanabilirliği karşısında Yörükler, kendileriyle özdeşleştirmişlerdir. Kullanılacak alana yönelik deve türleri yetiştirmiş, sözlü gelenek ürünleri oluşturmuş, deve sahibi olmayı bir prestij meselesi görmüşlerdir³.

Yarım asır öncesine dek ülkemizde en yoğun deve popülasyonlarından birisi, Beşkaza coğrafyasındaydı⁴. Muğla ilinin Fethiye ve Seydikemer ilçelerini karşılayan Beşkaza ismi, 16. yüzyılın sonlarında o dönemki adıyla Meğri olan Fethiye ilçesinin beş ayrı kazaya bölünmesiyle ortaya çıkmıştır⁵. İsim bölge halkının tarihini ve Yörüklüğünü simgelemektedir. Günümüzde hem Fethiye hem de Seydikemer ilçesinin resmi işlerinde, meydanlarında⁶, üniversite kampüs yerleşkelerini adlandırmada⁷, gerçekleştirilen etkinliklerde⁸ kullanılmaktadır.

Develerin ne zaman evcilleştirildiği kesin olarak bilinmemektedir. Paleolitik Çağdan itibaren Moğolistan'ın doğusundaki mağaralardan, Yemen ve Büyük Sahra'ya kadar geniş bir coğrafyada deve resimlerine rastlanmaktadır⁹. Çok eski devirlere ait arkeolojik alanlarda, deve kemiklerinin genellikle nadir görülmektedir. Ancak onların evcil mi yabani mi oldukları kesin bilinmemektedir. Bu sebeple develerin evcilleşme süreci konusunda net bulgular yoktur. Özbekistan'ın güneyinde yapılan kazılar ışığında çift hörgüçlü devenin

² Mehmet Eröz, Yörükler, Türk Dünyası Araştırma Vakfı Yayınları, İstanbul 1991, s.131.

³ Ayşegül Koyuncu Okca, Mustafa Genç, "Yörük Göçlerinde Deve", Yıl: 2017, Sayı: 58, The Journal of Academic Social Science Studies, s.225-226.

⁴ 1967 yılında Beşkaza'da, Fethiye İlçe Tarım Müdürlüğü'ne kayıtlı 1235 deve vardı. Bununla birlikte, çeşitli sebeplerle kaydedilmemiş develerin olması da kuvvetle muhtemeldir. Resmi sayılar için bkz: Kaya Müştakhan, 1967 Muğla İl Yıllığı, İş Matbaa Yayınları, Ankara 1968, s. 467.

⁵ Behset Karaca, "XVI. Yüzyılda Meğri (Fethiye) Kazası Vakıfları", SDÜ Fen Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi, Nisan 2014, Sayı: 31, s. 4.

⁶ Fethiye ilçesindeki kültürel etkinliklerin gerçekleştirildiği meydanın resmi adı, Beşkaza Meydanı'dır. Bkz: <https://fethiyeroute.com/place/detail/beskaza-meydani>

⁷ Muğla Sıtkı Koçman Üniversitesi'ne ait Fethiye İşletme Fakültesinin yer aldığı yerleşkenin resmi adı, Beşkaza Yerleşkesidir. Bkz: <https://fethiye.mu.edu.tr/tr/duyuru/fethiye-beskaza-yerleskesi-agaclandirmasi--gerceklestirildi-50505>

⁸ Örneğin Seydikemer ilçesindeki bir devlet okulunda düzenlenen kültürel projenin ismi, Beşkaza'nın Yiğitleri Yörükler'dir. Bkz: <https://seydikemer.meb.gov.tr/www/beskazanin-yigitleri-yorukler-projesi/icerik/6150>

⁹ Reyhan Körpe, "Develerin Batı Anadolu'ya İlk Gelişleri ve Antik Çağ Ordularında Deve Kullanımı", I. Uluslararası Selçuk-Efes Devecilik Kültürü ve Deve Güreşleri Sempozyumu Bildirileri, Editör: Devrim Ertürk, Özgür Gökdemir, Cilt: 1, Selçuk Belediyesi Yayınları, İzmir 2016, s.47.

M.Ö. 4000'lerde evcilleştirildiği¹⁰. Arap Yarımadasındaki buluntularla tek hörgüçlü devenin M.Ö. 3000'lerde evcilleştirildiği düşünülmektedir¹¹.

Ortak kaniya göre Türklerde deve yetiştiriciliğine hususunda ilk izler, Batı Türkistan'daki Uluğ-Namazgahtepe'de gerçekleşmiştir. Bölgede yapılan kazılarda M.Ö. 2250 yıllarına tarihlenen deve kemikleri bulunmuştur¹². Bu buluntuyu, Semerkant yakınlarındaki Margiana'da ve Hakasya'daki Sülek Dağında devecilikle ilgili arkeolojik bulgular takip etmiştir. Margiana'daki kazılarda üzerinde deve çizimleri bulunan taştan bir muska keşfedilmiştir. Yapılan incelemelerde muskanın M.Ö. 2000'lere ait olduğu ileri sürülmüştür¹³. M.Ö. 2000'lere ait olduğu düşünülen Sülek Dağındaki kaya resimlerindeyse, dört farklı noktada çift hörgüçlü deve betimleri bulunmaktadır. Kızgın ve birbiriyle mücadele halinde resmedilen figürler¹⁴, söz konusu binyıllarda Türklerde deve yetiştiriciliği faaliyetinin, Batı Türkistan'dan Hakasya'ya uzanan geniş bir sahada gerçekleştirildiğini bizlere göstermektedir.

Türklerde devenin toplumsal hayatta kullanıldığı yönünde şüpheye yer bırakmayacak kati bilgiler, Hun dönemiyle başlar. Döneme ait bazı kurganlarda develerin kaplanlarla mücadelelerinin resmedildiği bronz eşyalar bulunmuştur¹⁵. Gene bu kurganlardan çıkarılan kemer tokalarında, koşum takımlarında ve gündelik hayatta kullanılan eşyalarda deve figürüne sık sık rastlanılmıştır¹⁶. Elde edilen buluntular, dini törenlerde kimi zaman at ve deve yarışları düzenledikleri aktarılan Hunların¹⁷, deveyi önemli bir binek hayvanı saydıklarını ortaya koymaktadır.

¹⁰ Remi Berthon, Marjan Mashkour, Pamela Burger, et al, "Domestication, Diffusion and Hybridization of The Bactrian Camel", *Les Vaisseaux du Désert et Des Steppes: Les Camélidés Dans L'Antiquité (Camelus Dromedarius et Camelus Bactrianus)*, Editor: Damien Agut-Labordère, Bérange Redon, Mom Editions, Lyon 2020. pp. 23.

¹¹ Hacer Çoruh, Seher Türkmen, "Develerin Antik Dönem Kültür Tarihine Yansımaları", I. Uluslararası Selçuk-Efes Devecilik Kültürü ve Deve Güreşleri Sempozyumu Bildirileri, Editör: Devrim Ertürk, Özgür Gökdemir, Cilt: 1, Selçuk Belediyesi Yayınları, İzmir 2016, s.29.

¹² Vedat Çalışkan, *Bir Dünya Kültür Mirası: Anadolu Devecilik Kültürü ve Deve Güreşleri*, İncirliova Belediyesi Kültür Yayınları, Ankara 2016, s.8.

¹³ Adel T. Adamova, "The Iconography Of A Camel Fight", In *Muqarnas: An Annual On The Visual Culture Of The Islamic World*, Volume: XXI, pp.10-11.

¹⁴ Arif Acaloğlu, "Türk Deveciliğinin Kökenleri ve Kültürel Boyutları", II. Uluslararası Selçuk-Efes Devecilik Kültürü ve Deve Güreşleri Sempozyumu, Cilt: I, Selçuk Belediyesi Selçuk Efes Kent Belleği Yayınları, Selçuk 2018, s.19.

¹⁵ Bahaedin Ögel, *İslâmiyetten Önce Türk Kültür Tarihi Orta Asya Kaynak ve Buluntularına Göre*, Türk Tarih Kurumu Yayınları, Ankara 1984, s.56-57.

¹⁶ Saule İbekeyeva, *Göktürk Devri Kazakistan Kaya Resimleri*, Mimar Sinan Güzel Sanatlar Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yayınlanmamış Doktora Tezi, İstanbul 2005, s.408.

¹⁷ Yaşar Çoruhlu, *Türk Mitolojisinin Anahatları*, Kabalcı Yayınevi, İstanbul 2000, s.146.

Ortaçağ'da develer, uzun mesafelere karşı dayanıklılığı ve olumsuz şartlar karşısındaki direnciyle atla eşit statüye yükselmiştir. Çağa ait kaya resimlerinde, develer hem bir göç hayvanı hem de savaşlarda ve günlük hayatta kullanılan binek hayvanları olarak betimlenmiştir¹⁸. Uygurlar döneminde kağanların binek hayvanları olmuş ve özel seyislerce bakılmaya başlanmıştır¹⁹. 10. yüzyılda Türk ülkelerini gezen İbn Fazlan, develerin toplum yaşamındaki yerlerine dair önemli bilgiler sunmuştur. Fazlan, bir iki Türk boyu dışında hemen hepsinin deve beslediğini anlatır. Bazı boylarda 10.000'den fazla at ve deveden oluşan binek hayvanı sürüleri gördüğünü, evliliklerde mihr bedeli olarak kimi zaman devenin ölçüt olduğunu söyler. Türk ülkelerinden geçen yolcuların develerini, Türklerin develeriyle değiş-tokuş edebildiğini ve kimi boyların develerin etini yediğini, kimi boylarınsa sadece iş gücü alanında develerden yararlandığını bahseder²⁰.

Türklerin İslamiyet'i kabulü ve siyerlerde, megazilerde develerin isminin sıkça geçmesi, Kur'an-ı Kerim'in A'râf suresinin 77. ayeti, Hûd suresinin 64. ayeti, Hac suresinin 36. ayeti başta olmak üzere çeşitli surelerinde adının geçmesi neticesinde, devenin sosyal hayattaki ve kültürdeki yeri güçlenmiştir. Yaşananlar neticesinde bu dönemle birlikte erkek deve manasına gelen Buğra²¹, Deve Beg²², Deve Oğlu²³ gibi şahıs isimleri, Deveci Oymağı²⁴, Develi Kaçarı²⁵ gibi topluluk isimleri Türk tarihindeki yerini almaya başlamıştır. Deveye artan sevgiyle Batı'ya gerçekleşen göçlerde, yeni yurtlara çift hörgüçlü develer götürülmüştür. Döneme ait sözlü edebiyat ürünlerinde develer, kurbanlık hayvan, bilgelik, güç, kahramanlık, zenginlik sembolü olarak yer almıştır²⁶.

BEŞKAZA YÖRÜKLERİNDE DEVECİLİĞE DAİR TARİHİ VERİLER

Beşkaza Yörüklerinde deveciliğe dair en eski veri, günümüzde Seydikemer'in Bekçiler, Boğalar, Doğanlar mahallelerinin (köylerinin) göç ettiği

¹⁸ Örnekler için bkz: İbekeyeva, a.g.t., s.119; 130, 178; 179; 181; 182; 183; 238; 243.

¹⁹ Bahaedin Ögel, Türk Kültür Tarihine Giriş, Cilt: 1, T.C. Kültür Bakanlığı Yayınları, Ankara 2000, s.35.

²⁰ İbn Fazlan, Onuncu Asırda Türkistan'da Bir İslam Seyyahı, Hazırlayan: Ramazan Şeşen, Bedir Yayınevi, İstanbul 1975, s.28-41.

²¹ Faruk Sümer, Türk Devletleri Tarihinde Şahıs Adları, Cilt: I, Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları, İstanbul 1999, s.116.

²² A.g.e., s.268.

²³ A.g.e., s.269.

²⁴ A.g.e., s.285.

²⁵ A.g.e., s.291.

²⁶ Örnek bahisler için bkz: Dede Korkut Hikayeleri, Hazırlayan: Süleyman Teyek, Milli Eğitim Bakanlığı Yayınları, Ankara 2017, s.13; 15; 31; 32; 35; 45; 96; 100; 101.

Korkuteli'ndeki Kızılcadağ²⁷ yakınlarındaki, Yazılıkaya'da bulunmaktadır. Mevkide yer alan ve 12.-13. yüzyıllara ait olduğu düşünülen Türk kaya resimlerinde, bir tane tek hörgüçlü deve çizimi betimlenmiştir. Panoda yer alan damgalar ışığında Oğuz Türklerince çizildiği sabit olan deve resmi, Oğuzların torunları olan Beşkaza Yörüklerinde deveciliğin söz konusu yıllara dayandığını ortaya koymaktadır (Fotoğraf 1)²⁸.

Yöredeki deveciliğe ve deve kültürüne dair ilk yazılı anlatımlar, 19. yüzyılda Beşkaza'ya gelen seyyahların eserlerinde yer alır. Seyyahlar eserlerinde, kendi ülkelerinde olmayan ama Beşkaza topraklarında sıkça karşılaştıkları deve sürülerinden ve develerin gündelik hayattaki yerinden yer yer bahsetmişlerdir. Yöreye ilk gelen seyyahlardan olan Spratt ve Forbes ikilisi, Minare Mahallesi (Köyü) bir düğüne konuk olmuşlardır. Misafirlikleri esnasında düğün alayının kız tarafının evinden develerle getirildiğini ve katardaki diğer develerin yakacak odun, halı, çeyiz, bohça gibi eşyaları taşıdıklarını anlatmışlardır²⁹.

Bir diğer gezgin grubu olan Benndorf ve Niemann eserlerinde, yöredeki develerden bahsedenlerdir. Seyyahlar yöreye araştırma yapmak için gelmişlerdir. Araştırmaları esnasında Eşen Ovasından Kaş'a doğru ilerlerken, Eşen Nehri kıyısına yığılmış büyük odun yığınlarının deve kervanları tarafından taşındığına şahit olmuşlardır³⁰. Benndorf ve Niemann araştırmalarının ilerleyen günlerinde yaylaya göçen bir Yörük ailesine rastlamışlardır. Aile fertleri göçlerini, küçükbaş hayvanlar ve otuz deveden oluşan sürüyle gerçekleştirmişlerdir³¹.

Yöreyi ziyaret eden Eugen Petersen ve Felix Von Luschan da 1889'da yayınladıkları eserlerinde, Beşkaza'daki devecilik hakkında bilgiler sunmuşlardır. Yolculukları sırasında eskiden Beşkaza'ya sınırlarında olan, daha

²⁷ Mustafa Gökçe, Eren Fehmi Eroğlu, "Geçmişten Günümüze Beşkaza Yörüklerinin Göç Hareketleri ve Yolları", Geçmişten Günümüze Göç, Cilt: 2, Editör: Osman Köse, Canik Belediyesi Kültür Yayınları, Samsun 2017, s.814-816.

²⁸ Mustafa Gökçe, Eren Fehmi Eroğlu, "Batı Toroslarda Bulunan Kaya Resimlerinin Türk Tarihi ve Kültürü Açısından Önemi", 9. Milletlerarası Türkoloji Kongresi Bilgiler Kitabı, Editör: Feryal Korkmaz, İstanbul Üniversitesi Yayınevi, İstanbul 2023, s.501-517.

²⁹ T.A.B. Spratt, Edward Forbes, Likya'da Yolculuklar, Çeviri: Doğan Türker, Suna-İnanç Kırac Akdeniz Medeniyetleri Araştırma Enstitüsü, Antalya 2008, s.26.

³⁰ Otto Benndorf, George Niemann, Reisen in Lykien Und Karien, Druck Und Verlag Von Carl Gerold's Sohn, Wien 1884, s.124.

³¹ A.g.e., s.140.

sonradan Gölhisar ilçesine bağlanan İbecik'te kalabalık deve sürüleriyle karşılaşmışlardır³².

Beşkaza'da sınırlarında bulunan Akdağlara geyik avlamak için gelen Frederick Courteney Selous, yaşadıklarını kaleme aldığı eserinde yöre hakkında önemli bilgiler sunmuştur. Akdağların coğrafyası, bitkileri anlatan Selous, burada karşılaştığı Yörüklerin deve kılından yapılmış çadırlarda yaşadıklarına şahit olduğunu, eserinde anlatmıştır³³.

Osmanlı Arşivlerinde yöredeki deve sayılarına ait ilk kayıtlar, 1844-1845 yıllarına temettuat defterlerinde yer alır. Kayıtlar sayesinde, Beşkaza'da 1541 adet devenin beslendiği anlaşılmaktadır. Bunların 15 tanesi köşek, 237 tanesi dorum, 271 tanesi erkek, 984 tanesi dişi deve olup 34 tanesinin cinsiyeti belirtilmemiştir³⁴. 1891 yılı salnamesine göre bu sayı 1161 adede gerilemiştir³⁵. 1925-1926 yıllarındaysa yöredeki deve miktarı, 1149 olmuştur³⁶.

1940'lara gelindiğinde, gerek şehir merkezinde gerekse köylerdeki deve sayısının çokluğu dikkat çeker. Bu yıllarda, Fethiye Belediyesi'nden çıkartılan kanunlarla develerin oluşturduğu gürültü ve halkın yaşadığı rahatsızlıkla Fethiye merkezde develerin çanlarıyla dolaşmaları yasaklanmıştır. Köylerden limana yük taşıyan deve sahipleri, kanun nedeniyle ilçe merkezine girdiklerinde develerin çanlarını çıkarmışlar yahut ses çıkarmamaları için çanların içine ot tıkamak zorunda kalmışlardır. Sonraki zamanlarda çıkarılan başka bir kanunla da ilçe merkezine giren tüm develerin ağızlarına torba takılması zorunluluğu getirilmiştir. Ağaçlandırma çalışmalarının gerçekleştirildiği yörede, kanun sayesinde ağaçların develer tarafından yenmesinin önüne geçilmesi sağlanmıştır³⁷. Söz konusu iki kanun, o yıllarda yöredeki deve sayısının sosyal hayata etki edecek miktarlarda olduğu izlenimi uyandırmaktadır. Filhakika ihtimalin gerçekliğine sonraki yıllara ait resmi belgelerde rastlanılır. İlçe Tarım

³² Eugen Petersen, Felix Von Luschan, Reisen In Lykien Milyas Und Kibyris, Druck Und Verlag Von Carl Gerold's Sohn, Wien 1889, s.155.

³³ Frederick Courteney Selous, Sport and Travel, East and West, Longmans, Green and Co., Newyork and Bombay 1901, pp. 12.

³⁴ Ahmet Yiğit, Ömer Karayumak, Menteşe Beyliği'nden Türkiye Cumhuriyeti'ne Belgelerle Fethiye, Fethiye Belediyesi Kültür Yayınları, Fethiye 2012, s.96-120.

³⁵ Hülya Cantürk, Osmanlı Salnamelerine Göre XIX. Yüzyılda Menteşe Sancağının Sosyal ve Ekonomik Durumu, Muğla Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi, Muğla 1998, s.66.

³⁶ Türkiye Cumhuriyeti 1925-1926 Devlet Salnamesi, Matbaa-i Amire, İstanbul 1926, s.854.

³⁷ Ünal Şöhret Dirlik, Fethiye Atasözleriyle Deyimlerinde Hayvancılık ve Yayla Göçleri, Dirlik Yayınları, Oğuz Ofset, Denizli 2000, s.28-29.

Müdürlüğü'nün 1967 yılında gerçekleştirdiği hayvan sayımında, Beşkaza'daki deve sayısı 1235 olarak yer almıştır³⁸.

1960'larla birlikte Türk sosyal hayatında yaşanan değişimler, Beşkaza'nın devencilğine etki eder. Bu yıllardan itibaren yoğunlaşmaya başlayan kırsaldan kente yaşanan göç olgusu, hayvancılığın eski cazibesini kaybetmesi, genç kuşakların Yörük hayatından uzak durmaya başlaması ve ulaşım araçlarının yaygınlaşmasıyla yöredeki deve miktarında gerileme başlar. Bu tarihlerden itibaren birçok Yörük ailesi, sahip olduğu develeri, nakliye ihtiyacının azalması nedeniyle yok pahasına satmaya başlar³⁹. Yaşananlar sonucunda yöredeki deve sayısı 1991 yılında 12'ye, 2014'te 4'e kadar geriler⁴⁰. 2019 yılında Karadere Yörüklerinden Koçbiyık ailesinin, 2023'te Yusuf Demir'in sahip olduğu develeri başka illere satmaları sonucunda Beşkaza'da 800 yıldır aralıksız süren devencilik faaliyetleri sona erer.

BEŞKAZA'DA DEVEYE DAİR KÜLTÜREL UNSURLAR

Kültür, toplulukların kendilerine ait dini, iktisadi, ahlaki, estetiksel, yaşantı vb. değerlerinin toplamıdır. Duyguların uzun yıllar içerisinde esin ve sezgiyle kendi kendine oluşmasıyla meydana gelen bu değerler, oluşum süreçleri ve sahip oldukları ulusallıkla değişime karşı dirençlidirler⁴¹. İnsanlar, tarih boyunca oluşturdukları kültürlerini, duygu ve düşüncelerini çeşitli kalıplarla ifade etmeye çalışmışlardır. Söz konusu ifadelerini sadece sözlü eserler değil, kültür içerisinde yer edinen çeşitli sembollerle de anlatmaya yoluna girmişlerdir. Böylelikle hem duygu ve düşüncelerin kolaylıkla aktarmış hem de kültürel değerlerinin kalıcılıklarını arttırmışlardır.

Hayvanlar, konargöçer toplum hayatı yaşayan Türklerde kültürel kodlarla birleşerek önemli semboller dönüşmüş varlıklardır. Gerek İslamiyet öncesi dönemde gerekse İslamiyet'in kabulü sonrasında kendisine atfedilen değerlerle güç, kuvvet, hükümdarlık gibi manalara karşılık gelmişlerdir. Böylelikle toplumun geçmişiyle geleceği arasında birleştirici bir köprü görevi görmüşlerdir⁴². Bu sebeplerle yörenin en yaygın beslenen binek hayvanları

³⁸ Müştakhan, a.g.e., s.467.

³⁹ Musa Seyirci eserinde, develerin taşımadaki işlevlerinin sona ermesi sonucunda babasının iki katar deveyi oldukça ucuza sattığını açıkça ifade eder. Bkz: Seyirci, Batı Akdeniz Bölgesi Yörükleri, s.170.

⁴⁰ Eroğlu, a.g.e., s.147.

⁴¹ Ziya Gökalp, Türk Uygarlığı Tarihi, Hazırlayan: Yusuf Çotuksöken, İnkılâp Kitabevi, İstanbul 1991, s.4-6.

⁴² Mehmet Alptekin, Türk Mitolojisinde Hayvan Sembolizmi Çerçevesinde "Deve", BŞEÜ Sosyal Bilimler Dergisi, Yıl: 2021, Cilt: 6, Sayı: 2, s.237.

develer, zamanla Yörük hayatının ve nakliyeciliğin sembol hayvanlarına dönüşmüşlerdir⁴³. Toplum nezdinde bir katar (yedi) deveye sahip olanlar güçlü kişiler sayılmış, büyük katarlarla yayla göçü ve nakliye gerçekleştirmek esas alınmıştır⁴⁴.

SONUÇ

M.Ö. 4000'lerde evcilleştirilen deve, bu tarihlerden itibaren Türk toplulukları için önemli bir binek ve yük hayvanı olmuştur. Deve, konargöçerliğe dayanan sosyal hayatın ve ticari faaliyetlerin sürdürülmesinde büyük bir önem taşımıştır. Sahip olduğu güç, kuvvet ve bedensel özellikleriyle kültürel bir öğeye evrilmiştir. Kurganlarda gerçekleştirilen kazılarda, üzerinde deve figürü bulunan madeni eşyalara rastlanmış, Çin yıllıklarındaysa Türklerde devencilğe dair kayıtlar yer almıştır.

Ortaçağ döneminde hem göç hem de savaş hayvanı olan deve, Uygurlarla birlikte kağanların özel binek hayvanları olmaya başlamıştır. Bununla beraber toplumun birçok kesimince de beslenmiştir. Türk ülkelerini gezen Arap coğrafyacılar, ziyaret ettikleri birçok Türk topluluğunda deve beslendiğine şahit olduklarını eserlerinde anlatmışlardır.

Beşkaza Yöresi, 21. yüzyılda develerin toplumdaki fertlerce ulaşımda kullanıldığı sayılı yerlerden birisi olmuştur. Yörükler için deve sahip olduğu vasıflarla ve geçmişten getirilen birikimle değerli binek hayvanları görülen develere karşı birçok kültürel öğe oluşturmuşlardır. Sözlü kültür ürünlerinden dokumalara, halk inanışlarından tıbbi uygulamalara dek yayılım gösteren bu kültür öğeleri büyük öneme haizdir. Ancak günümüz Türkiye'sinde değişen yaşam koşulları ve konargöçer hayatın tükenme noktasına gelmiş olması, Beşkaza'daki develeri de etkilemiştir. Son elli yıl içerisinde ulaşım araçlarının artmasıyla birlikte yöredeki devencilik faaliyetleri hızla azalmıştır. Genç kuşakların develere dair ilgilerinin olmayışı, çevre il ve ilçelerde görülen deve güreşlerinin yörede gerçekleştirilmeyişi, devencilik faaliyetlerinin sadece Yörükler

⁴³ Yörede develeriyle nakliye gerçekleştiren son kişi Yusuf Demirci idi. 2023 yılına dek ulaşım araçlarının çıkamadığı Yörük yurtlarına, devesiyle beraber yük taşımıştır. 1970'lere kadar yörede, ağustos ile kasım ayları arasında nakliyatçılık yapan deve kervanlarına rastlanırdı. O yıllarda nakliyat araçlarının yetersizliği, coğrafyanın engebeli arazisi nedeniyle devesi olan Yörükler, kiracılık/kirecilik/mekkarecilik olarak adlandırılan, kervancılık yapmışlardır. Ağustos ayında yayladaki yurtlarından inip maden ocaklarından çıkarılan cevherleri, Fethiye iskelesine taşımışlardır. Yayladan kesin olarak döndükleri ekim ile kasım aylarında ise Eşen ovasında bolca olan ve boya sanayisinde kullanılan palamut meyvesinin nakliyesini gerçekleştirmişlerdir. Bununla beraber yörede hasadı gerçekleşen zeytin, pamuk, tütün gibi ürünlerin ve dağlardan kesilen ağaçların, hazırlanan odun kömürlerinin de taşımacılığında önemli rol oynamışlardır. Bkz: Musa Seyirci, O Güzel İnsanlar O Güzel Atlar Yirminci Yüzyılda Fethiye Kırsalında Yaşam, Derin Yayınları, İstanbul 2007, s.38-40.

⁴⁴ A.g.e., s.38-39.

tarafından yapılmış olması, yöredeki devecilik ve deve kültürünü dar bir alana hapsetmiştir. Yaşananlar neticesinde, yöredeki deve miktarındaki gerileme 2000'li yıllarda en yüksek seviyesine ulaşmıştır. Yörede sadece iki aile tarafından devecilik yaşatılmaya çalışılmıştır. Ancak develerin kimi tarlalardaki, ağaçlardaki ürünler zarar vermesi, buna karşılık köylülerin deve sahiplerini rahatsız etmesi, üzerlerinde baskı oluşturması ve develerin bakımlarının kolay olmayışı sonucunda deve sahipleri, develerini satmak zorunda kalmıştır. Yaşananlar neticesinde yöre kültüründe 800 yıllık geçmişe sahip olan devecilik ve deve kültürü sona ermiştir. Yayla göçlerinin develer olmadan yapılması sebebiyle önümüzdeki on yıl içerisinde, Beşkaza Yöresinde deveye dair var olan tüm kültürel öğelerin toplum hafızasından silinmesi, tarafımızca beklenmektedir.

Ekler

Fotoğraf 1: Korkuteli Kayabaşı Mahallesiindeki Türk kaya resmi panosundaki deve çizimi.

Fotoğraf 2: Otto Benndorf, George Niemann tarafından yöredeki Eşen Ovasında fotoğraflanan yoz deve ve Yörük alacağı (çadırı)⁴⁵.

KAYNAKÇA / LITERATURE:

1. Musa Seyirci, Batı Akdeniz Bölgesi Yörükleri, Der Yayınları, İstanbul 2000, s.3
2. Mehmet Eröz, Yörükler, Türk Dünyası Araştırma Vakfı Yayınları, İstanbul 1991, s.131.
3. Ayşegül Koyuncu Okca, Mustafa Genç, "Yörük Göçlerinde Deve", Yıl: 2017, Sayı: 58, The Journal of Academic Social Science Studies, s.225-226.
4. 1967 yılında Beşkaza'da, Fethiye İlçe Tarım Müdürlüğü'ne kayıtlı 1235 deve vardı. Bununla birlikte, çeşitli sebeplerle kaydedilmemiş develerin olması da kuvvetle muhtemeldir. Resmi sayılar için bkz: Kaya Müştakhan, 1967 Muğla İl Yıllığı, İş Matbaa Yayınları, Ankara 1968, s. 467.
5. Behset Karaca, "XVI. Yüzyılda Meğri (Fethiye) Kazası Vakıfları", SDÜ Fen Edebiyat Fakültesi Sosyal Bilimler Dergisi, Nisan 2014, Sayı: 31, s. 4.
6. Fethiye ilçesindeki kültürel etkinliklerin gerçekleştirildiği meydanın resmi adı, Beşkaza Meydanı'dır. Bkz: <https://fethiyeroute.com/place/detail/beskaza-meydani>
7. Muğla Sıtkı Koçman Üniversitesi'ne ait Fethiye İşletme Fakültesinin yer aldığı yerleşkenin resmi adı, Beşkaza Yerleşkesidir. Bkz:

⁴⁵ Bkz: Benndorf, Niemann, a.g.e., s.166.

-
- <https://fethiye.mu.edu.tr/tr/duyuru/fethiye-beskaza-yerleskesi-agaclandirmasi--gerceklestirildi-50505>
8. Örneğin Seydikemer ilçesindeki bir devlet okulunda düzenlenen kültürel projenin ismi, Beşkaza'nın Yiğitleri Yörükler'dir. Bkz: <https://seydikemer.meb.gov.tr/www/beskazanin-yigitleri-yorukler-projesi/icerik/6150>
 9. Reyhan Körpe, "Develerin Batı Anadolu'ya İlk Gelişleri ve Antik Çağ Ordularında Deve Kullanımı", I. Uluslararası Selçuk-Efes Devecilik Kültürü ve Deve Güreşleri Sempozyumu Bildirileri, Editör: Devrim Ertürk, Özgür Gökdemir, Cilt: 1, Selçuk Belediyesi Yayınları, İzmir 2016, s.47.
 10. Remi Berthon, Marjan Mashkour, Pamela Burger, et al, "Domestication, Diffusion and Hybridization of The Bactrian Camel", Les Vaisseaux du Désert et Des Steppes: Les Camélidés Dans L'Antiquité (Camelus Dromedarius et Camelus Bactrianus), Editor: Damien Agut-Labordère, Bérange Redon, Mom Editions, Lyon 2020. pp. 23.
 11. Hacer Çoruh, Seher Türkmen, "Develerin Antik Dönem Kültür Tarihine Yansımaları", I. Uluslararası Selçuk-Efes Devecilik Kültürü ve Deve Güreşleri Sempozyumu Bildirileri, Editör: Devrim Ertürk, Özgür Gökdemir, Cilt: 1, Selçuk Belediyesi Yayınları, İzmir 2016, s.29.
 12. Vedat Çalışkan, Bir Dünya Kültür Mirası: Anadolu Devecilik Kültürü ve Deve Güreşleri, İncirliova Belediyesi Kültür Yayınları, Ankara 2016, s.8.
 13. Adel T. Adamova, "The Iconography Of A Camel Fight", In Muqarnas: An Annual On The Visual Culture Of The Islamic World, Volume: XXI, pp.10-11.
 14. Arif Acaloğlu, "Türk Deveciliğinin Kökenleri ve Kültürel Boyutları", II. Uluslararası Selçuk-Efes Devecilik Kültürü ve Deve Güreşleri Sempozyumu, Cilt: I, Selçuk Belediyesi Selçuk Efes Kent Belleği Yayınları, Selçuk 2018, s.19.
 15. Bahaedin Ögel, İslâmiyetten Önce Türk Kültür Tarihi Orta Asya Kaynak ve Buluntularına Göre, Türk Tarih Kurumu Yayınları, Ankara 1984, s.56-57.

-
- 16.Saule İbekeyeva, Göktürk Devri Kazakistan Kaya Resimleri, Mimar Sinan Güzel Sanatlar Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yayınlanmamış Doktora Tezi, İstanbul 2005, s.408.
 - 17.Yaşar Çoruhlu, Türk Mitolojisinin Anahatları, Kabalcı Yayınevi, İstanbul 2000, s.146.
 - 18.Örnekler için bkz: İbekeyeva, a.g.t., s.119; 130, 178; 179; 181; 182; 183; 238; 243.
 - 19.Bahaedin Ögel, Türk Kültür Tarihine Giriş, Cilt: 1, T.C. Kültür Bakanlığı Yayınları, Ankara 2000, s.35.
 - 20.İbn Fazlan, Onuncu Asırda Türkistan'da Bir İslam Seyyahı, Hazırlayan: Ramazan Şeşen, Bedir Yayınevi, İstanbul 1975, s.28-41.
 - 21.Faruk Sümer, Türk Devletleri Tarihinde Şahıs Adları, Cilt: I, Türk Dünyası Araştırmaları Vakfı Yayınları, İstanbul 1999, s.116.
 - 22.A.g.e., s.268.
 - 23.A.g.e., s.269.
 - 24.A.g.e., s.285.
 - 25.A.g.e., s.291.
 26. Örnek bahisler için bkz: Dede Korkut Hikayeleri, Hazırlayan: Süleyman Teyek, Milli Eğitim Bakanlığı Yayınları, Ankara 2017, s.13; 15; 31; 32; 35; 45; 96; 100; 101.
 - 27.Mustafa Gökçe, Eren Fehmi Eroğlu, "Geçmişten Günümüze Beşkaza Yörüklerinin Göç Hareketleri ve Yolları", Geçmişten Günümüze Göç, Cilt: 2, Editör: Osman Köse, Canik Belediyesi Kültür Yayınları, Samsun 2017, s.814-816.
 - 28.Mustafa Gökçe, Eren Fehmi Eroğlu, "Batı Toroslarda Bulunan Kaya Resimlerinin Türk Tarihi ve Kültürü Açısından Önemi", 9. Milletlerarası Türkoloji Kongresi Bilgiler Kitabı, Editör: Feryal Korkmaz, İstanbul Üniversitesi Yayınevi, İstanbul 2023, s.501-517.
 - 29.T.A.B. Spratt, Edward Forbes, Likya'da Yolculuklar, Çeviri: Doğan Türker, Suna-İnanç Kıraç Akdeniz Medeniyetleri Araştırma Enstitüsü, Antalya 2008, s.26.
 - 30.Otto Benndorf, George Niemann, Reisen in Lykien Und Karien, Druck Und Verlag Von Carl Gerold's Sohn, Wien 1884, s.124.
 - 31.A.g.e., s.140.

-
32. Eugen Petersen, Felix Von Luschan, Reisen In Lykien Milyas Und Kibyrtis, Druck Und Verlag Von Carl Gerold's Sohn, Wien 1889, s.155.
 33. Frederick Courteney Selous, Sport and Travel, East and West, Longmans, Green and Co., Newyork and Bombay 1901, pp. 12.
 34. Ahmet Yiğit, Ömer Karayumak, Menteşe Beyliği'nden Türkiye Cumhuriyeti'ne Belgelerle Fethiye, Fethiye Belediyesi Kültür Yayınları, Fethiye 2012, s.96-120.
 35. Hülya Cantürk, Osmanlı Salnamelerine Göre XIX. Yüzyılda Menteşe Sancağının Sosyal ve Ekonomik Durumu, Muğla Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi, Muğla 1998, s.66.
 36. Türkiye Cumhuriyeti 1925-1926 Devlet Salnamesi, Matbaa-i Amire, İstanbul 1926, s.854.
 37. Ünal Şöhret Dirlik, Fethiye Atasözleriyle Deyimlerinde Hayvancılık ve Yayla Göçleri, Dirlik Yayınları, Oğuz Ofset, Denizli 2000, s.28-29.
 38. Müştakhan, a.g.e., s.467.
 39. Musa Seyirci eserinde, develerin taşımadaki işlevlerinin sona ermesi sonucunda babasının iki katar deveyi oldukça ucuza sattığını açıkca ifade eder. Bkz: Seyirci, Batı Akdeniz Bölgesi Yörükleri, s.170.
 40. Eroğlu, a.g.e., s.147.
 41. Ziya Gökalp, Türk Uygarlığı Tarihi, Hazırlayan: Yusuf Çotuksöken, İnkılâp Kitabevi, İstanbul 1991, s.4-6.
 42. Mehmet Alptekin, Türk Mitolojisinde Hayvan Sembolizmi Çerçevesinde "Deve", BŞEÜ Sosyal Bilimler Dergisi, Yıl: 2021, Cilt: 6, Sayı: 2, s.237.
 43. Yörede develeriyle nakliye gerçekleştiren son kişi Yusuf Demirci idi. 2023 yılına dek ulaşım araçlarının çıkamadığı Yörük yurtlarına, devesiyle beraber yük taşımıştır. 1970'lere kadar yörede, ağustos ile kasım ayları arasında nakliyatçılık yapan deve kervanlarına rastlanılırdı. O yıllarda nakliyat araçlarının yetersizliği, coğrafyanın engebeli arazisi nedeniyle devesi olan Yörükler, kiracılık/kirecilik/mekkarecilik olarak adlandırılan, kervancılık yapmışlardır. Ağustos ayında yayladaki yurtlarından inip maden ocaklarından çıkarılan cevherleri, Fethiye iskelesine taşımışlardır. Yayladan kesin olarak döndükleri ekim ile kasım aylarında ise Eşen ovasında bolca olan ve boya sanayisinde kullanılan palamut meyvesinin nakliyesini gerçekleştirmişlerdir. Bununla beraber yörede hasadı

gerçekleşen zeytin, pamuk, tütün gibi ürünlerin ve dağlardan kesilen ağaçların, hazırlanan odun kömürlerinin de taşımacılığında önemli rol oynamışlardır. Bkz: Musa Seyirci, O Güzel İnsanlar O Güzel Atlar Yirminci Yüzyılda Fethiye Kırsalında Yaşam, Derin Yayınları, İstanbul 2007, s.38-40.

44.A.g.e., s.38-39.

45.Bkz: Berndorf, Niemann, a.g.e., s.166.

CAMEL BREEDING AND CAMEL CULTURE IN BEŞKAZA REGION

Abstract. Nomadic life, one of the basic elements of Turkish culture, is a way of life that extends from past to present. Nomadic Turks, living in summer pastures and winter quarters within certain distances, domesticated various animals in various periods of history. The first activities regarding the domestication of camels date back to B.C. It took place in the territory of Uzbekistan in the 4000s. Following this development, camel breeding began to spread to the geography of Turkestan as a result of camels' ability to withstand difficult conditions, their usefulness in transporting heavy loads, their resistance to hunger and thirst, their non-selective diet and the availability of their meat, milk, feathers and skin. With the position it has acquired in social life, the camel has turned into an animal to which mythological and cultural meanings are attributed over time. In the ancient Turkish religion, the idea that the gods were vehicles and symbols of power was accepted. After the acceptance of Islam, Hz. The value of the camel among the Turks increased even more because it was the Prophet's riding animal. Turks took their camels to the new geographies they migrated to and benefited from them. The first traces of camel breeding in the Beshkaza lands, one of these geographies that became homeland, date back to A.D. 12th-13th. It dates back centuries. With the mountainous structure of the geography and the nomadic life that has continued to be practiced since Turkestan, camels have become the primary subject of the Yoruks. Various folk beliefs, oral culture products, human elements and medical practices have been developed over time for camels, whose place in the eyes of the society is clear with the saying "It is the camel that makes the nomad, it is the horse that makes the nomad lord". In our study, the historical origins of camel breeding among Beşkaza Yoruks, the types of camels bred and the cultural elements related to camels were examined in the light of written sources and findings obtained from resource persons.

Keywords: Beşkaza, camel, camel breeding, culture, Yorum.

БЕШКАЗА АЙМАҒЫНДАҒЫ ТҮЙЕ АСЫРУ ЖӘНЕ ТҮЙЕ МӘДЕНИЕТИ

Аңдатпа. Түрік мәдениетінің негізгі элементтерінің бірі көшпелі өмір кешеннен бүгінге дейін созылған өмір салты. Белгілі бір қашықтықтағы жайлаулар мен қыстауларды мекендеген көшпелі түркілер тарихтың әртүрлі кезеңдерінде түрлі жануарларды қолға үйреткен. Түйелерді қолға үйретуге қатысты алғашқы шаралар б.з.б. Өзбекстан территориясында 4000 жылдары болған. Осы дамудан кейін түйелердің қиын жағдайларға төтеп беруі, ауыр жүктерді тасымалдауға пайдалылығы, аштық пен шөлге төзімділігі, таңдаусыз қоректенуінен түйе шаруашылығының барлық Түркістан географиясына тарала бастады. Түйе әлеуметтік өмірде алған орнымен уақыт өте мифологиялық және мәдени мағынаға ие жануарға айналды. Ежелгі түрік халықтарының дінінде түйелер құдайлар көлік, күш нышаны деген түсінікте қабылдаған. Исламды қабылдағаннан кейін түйе пайғамбардың мінетін малы болғандықтан түркілер арасында одан да қымбаттады. Түріктер түйелерін өздері қоныс аударған жаңа географияларға апарып, одан пайда көрген. Осындай географиялардың бірі Анадолы жеріндегі Бешқаз аймағындағы түйе шаруашылығының алғашқы іздері б.з.б. 12-13 ғасырлардан басталады.

Географияның таулы құрылымы мен Түркістаннан бері жалғасып келе жатқан көшпелі өмірмен түйе Бешқаз аймағында негізгі эконмика құралына айналды. Тұрмыстың маңызына айналған түйе жануарына қатысты түрік халықтары арасында әртүрлі халықтық наным-сенім, ауызша мәдениет бұйымдары, әдет-ғұрыптар заман ағымымен дамыды.

Біздің зерттеуімізде Бешқаз аймағындағы түйе шаруашылығының тарихи бастаулары және түйеге қатысты мәдени элементтер жазба деректер мен дереккөздерден алынған тұжырымдар негізінде қарастырылады.

Түйін сөздер: Бешқаз, түйе, түйе мәдениеті, түрік халқы

Yazar hakkında bilgi: Eren F.E., Muğla Sıtkı Koçman Üniversitesi doktora öğrencisi, Muğla, Türkiye, erenfehmiroglu@gmail.com

Автор туралы мәлімет: Eren F.E., Муғла Сытқы Кочман университетінің PhD докторанты, Түркия, Муғла, erenfehmiroglu@gmail.com

Information about the author: Eren F.E., PhD student at Sytky Kochman University of Mugla, Mugla, Turkey, erenfehmiroglu@gmail.com

MPHTI 03.20

ENGLISH MEDIUM INSTRUCTION POLICY AND PRACTICE IN THE MULTILINGUAL CONTEXT OF A PRIVATE UNIVERSITY IN KAZAKHSTAN

Aigerim Kazhigaliyeva

MA in Multilingual Education, PhD in Education

Vice dean for Academic Affairs, Astana International University

+77473709015

Abstract. The publication discusses the rise of English Medium Instruction (EMI) in higher education worldwide, driven by internationalization and neoliberal policies that prioritize English. Although EMI aims to enhance global competitiveness and attract international students, its implementation poses challenges, such as ideological biases favoring English, limited resources, and equity issues. Stakeholders, including faculty and students, face difficulties due to insufficient consultation and support. The adoption of EMI is widespread, particularly in countries like Kazakhstan, where the government promotes trilingual education. However, there are concerns about linguistic diversity and inclusion, as English dominance may marginalize local languages. To address these issues, a more inclusive EMI policy is recommended, recognizing the role of local languages and stakeholders. Translanguaging and the multilingual turn are suggested as approaches to enhance EMI effectiveness by integrating learners' full linguistic repertoires. The study emphasizes the need for policies responsive to local contexts and the complex realities of educational settings.

Keywords: EMI, internationalization, policy, practice.

INTRODUCTION

The global adoption of EMI policies has had a substantial influence on language policies in higher education worldwide. This phenomenon exemplifies a more extensive change in university policies that adhere to neoliberal principles, frequently giving preference to English as the primary medium of teaching. This aligns with broader social and political dialogues. Nevertheless, implementing language policing methods to impose English-only environments may inadvertently strengthen ideological biases and marginalize non-standard dialects, so impacting students' educational encounters and self-perception [1].

Stakeholders, like as faculty members and learners, often face challenges because they do not receive sufficient consultation and support while implementing EMI policies. In order to tackle these issues, it is essential to guarantee the availability of enough resources and modify curricula to incorporate learning objectives that accommodate diverse language backgrounds. Policymakers must also take into account the influence of global rankings and performance metrics on education systems and tackle concerns related to equity and inclusiveness.

The adoption of EMI has gained momentum in higher education, particularly in countries such as South Africa, South Korea, Malaysia, Saudi Arabia, Bolivia, Myanmar, Spain, Hong Kong, and Kazakhstan. This trend has been driven by the process of internationalization. The widespread use of English in academia, motivated by the need to attract international students and compete globally, has resulted in substantial changes in language policies in higher education institutions.

However, advocating for the exclusive use of English as the medium of education gives rise to apprehensions regarding linguistic variety and impartiality. Stakeholders may encounter difficulties in fulfilling English proficiency requirements, leading to exclusion and inequitable access to educational opportunities. The government of Kazakhstan is enacting measures to internationalize higher education institutions by adopting EMI programs. This might potentially affect the language used for teaching at higher educational institutions, as well as aspects of equality and justice.

Ultimately, the worldwide growth of higher education has resulted in the extensive adoption of EMI, although it has also presented difficulties concerning linguistic variety, equity, and assimilation. Policymakers are confronted with the task of fostering English fluency while also safeguarding other languages and addressing the varied requirements of stakeholders to guarantee equitable access to top-notch education [3].

RESEARCH METHODS

The qualitative research design enables the gathering of insights into the underlying principles governing a social phenomenon, including causes, opinions, and motives. Gaining a comprehensive understanding of reality requires a meticulous analysis of observed, experienced, and reported

phenomena. Qualitative research particularly focuses on reality as socially constructed, the intimate relationship between the researcher and the study subject, and the situational constraints affecting the research process. Qualitative research represents a complex and multifaceted concept that has been interpreted in various ways by scholars over time, largely because the field encompasses a myriad of interconnected terms, concepts, and assumptions. Nevertheless, a consensus exists on the conceptualization of qualitative research. Fundamentally, it is recognized for its robust foundation in exploration, description, and analysis, allowing researchers to deeply understand individuals, communities, or events within natural settings. This approach yields detailed portrayals of the social world[4].

According to Lincoln, there is a widely accepted understanding of qualitative research. Qualitative research is typically seen as being grounded, exploratory, descriptive, and inductive. It allows researchers to gain a comprehensive understanding of individuals, communities, or events in their natural environments, resulting in detailed descriptions of the social world. The significance of utilizing these three data sources to their maximum capacity is highlighted, stressing the distinct contribution each makes in addressing the study objectives[5-10].

The study investigates the EMI policy and practice, as well as how that practice relates to evolving beliefs about policy implementation in Kazakhstan. It delves into the “what”, “how”, and “why” of students and faculty members’ language use in the EMI context of a private university. The need for a detailed and in-depth understanding of the policy processes in a specific EMI context provides me with a rationale for conducting my research using a qualitative research design because a qualitative analysis of policy is about in-depth exploration of data. Furthermore, the nature of my research questions makes it appropriate for me to employ a qualitative research methods. In this research study, I employed interviews, observations, and document analysis to investigate the perceptions and interpretations of language policies and practices among stakeholders at the EMI university, including students, faculty members, and administration. Interviews are crucial for revealing the values, beliefs, and attitudes of stakeholders regarding the languages used in classroom settings and the wider university environment. Utilizing in-depth interviews, observations,

and document analysis is a suitable approach for studying phenomena that cannot be easily measured quantitatively. This comprehensive data-gathering method enhances the study by offering a nuanced comprehension of the complex interaction between policy, practice, and the various perspectives within EMI institution.

LITERATURE REVIEW

Nations in Southeast Asia, including Malaysia, Thailand, Singapore, and Indonesia, are increasingly adopting EMI to enhance global competitiveness and improve English language proficiency among their students. Despite rapid adoption, challenges such as cultural resistance, limited student engagement, insufficient funding, and a shortage of qualified educators persist. The implementation of EMI policies often occurs without adequate consultation with teachers and students, leading to a situation where a significant number of educators teach in English primarily due to institutional requirements rather than personal choice.

In South Asia, particularly in India and Pakistan, the dominance of English has significant implications for educational policy and linguistic identity. Manan highlight the contradictions within EMI policies, pointing out the symbolic violence and marginalization of indigenous languages. Evidence suggests that a multilingual instructional approach, which includes English, could lead to better educational outcomes and greater student engagement.

European universities have broadly implemented EMI with the aim of internationalizing their campuses and attracting a diverse student body. Despite widespread adoption, concerns about language proficiency, impact on program quality, and the need for quality assurance measures have been raised. The adoption of EMI in Africa and South America is closely linked to the globalization of education and the desire to enhance English language proficiency. In Myanmar, the mandate for using English in higher education highlights the challenges of teaching and learning exclusively in English due to inadequate proficiency among faculty and students. Kazakhstan also aims to encourage local students to stay and study domestically through EMI policies[11-16].

Across these regions, the literature calls for more inclusive and collaborative approaches to EMI policy development. The imposition of English

instruction without considering the linguistic and cultural contexts of learners often leads to implementation challenges and acceptance issues. Additionally, emphasizing English can devalue indigenous languages, thereby affecting students' linguistic identities and educational experiences. The global spread of EMI policies highlights various motivations and outcomes, from the goal of internationalizing higher education to the need for English proficiency. However, EMI adoption faces substantial challenges, including cultural resistance, financial limitations, and the need for experienced educators. A successful EMI approach requires a holistic strategy that recognizes the importance of local languages and stakeholder engagement. Further research is needed to explore the complex dynamics of EMI, focusing on policy development, teacher and student experiences, and the balance between global engagement and local needs[17-20].

The educational linguistic landscape in Kazakhstan has undergone substantial changes since gaining independence in 1991, like other developing countries in Asia. The demand for English has had a significant influence on educational agendas, policies, and planning in Kazakhstan, as seen in various other countries in the region. In 2007, Kazakhstan's government implemented extensive education reforms, which included a concept known as the "trinity of languages". The policy also focused on promoting English instruction in schools and higher education institutions, in addition to Kazakh and Russian languages. The former President of Kazakhstan, Nursultan Nazarbayev, advocated for expedited educational changes by introducing his Trilingual education policy, with a significant emphasis on English. The ex-President viewed English as a crucial element in Kazakhstan's progress and saw it as a primary factor in the country's incorporation into the global cultural economy.

The example of Kazakhstan demonstrates the influence of government-led reforms on language policies in the context of internationalizing higher education. These reforms cover a wide range of aspects in secondary education, higher education, such as language policies, employability, academic mobility, international research, and staff mobility. An essential component of these reforms involves using EMI in higher education institutions, which represents a substantial change in teaching and learning methodologies. Several EMI schools have been launched in Kazakhstan, including NIS, Nur-Orda, Astana Garden

School, Haileybury School, Astana English School, Astana International School, and EMI universities such as Nazarbayev University, KIMEP, Kazakh British Technical University, Astana IT University, among many other institutions.

According to the Concept for the Development of Higher Education and Science in the Republic of Kazakhstan for the years 2023 to 2029, up to 500 Kazakh scholars will be sent annually on internships to leading scientific centers worldwide. These internships will include training in academic writing, English, digital skills and other necessary competencies and skills. Additionally, efforts to attract Kazakhstani professionals working abroad back to local institutions and the training of university leaders are expected to stimulate the influx of young talent into universities. The plan also includes increasing the share of higher education institutions that implement international educational programs and academic exchanges with foreign partners, with targets set at 40% for 2023, 45% for 2024, 50% for 2025, 55% for 2026, 60% for 2027, 65% for 2028, and 70% for 2029. Furthermore, the strategy involves attracting international experts for teaching from leading universities such as Harriot-Watt University, The University of Arizona, University of Reading, De Monfort University. Based on the Concept for the Development of Higher Education and Science in the Republic of Kazakhstan for the years 2023 to 2029 the goal is to open at least 13 branches of EMI universities in Kazakhstan.

Although developments in EMI creates opportunities for global participation and competition, they also raise concerns, particularly over linguistic ability and the possible disregard for indigenous languages and cultures. As a result, policymakers and educational institutions must strike a delicate balance. It is critical to ensure that the implementation of EMI policies does not reduce linguistic diversity or create barriers for non-native English-speaking students and staff members. The implementation of EMI into the educational system should be done cautiously, taking into account all individuals' linguistic capacities as well as the institution's cultural and linguistic milieu. This policy will make it easier to take advantage of the benefits of globalization in higher education while also protecting linguistic variety and guaranteeing equitable access to high-quality education for all.

A thorough review of the literature on EMI reveals a complex and diverse terrain with major theoretical and practical implications. The impact of EMI

extends to many facets of education, including language proficiency, cognitive ability, and general educational standards. Furthermore, students and educators' perceptions and firsthand experiences with EMI have a considerable impact on policy creation. It is critical to adapt EMI policies to local conditions in order to ensure equitable and high-quality education[18].

Regarding the Kazakhstani EMI HE policy context, Smagulova (2016) discusses the challenges faced by Kazakhstan's younger generation, who had to choose between 'Kazakh re-acquisition' and improving their English skills, while acknowledging the country's continued importance of the Russian language. These changes impacted both primary and secondary education levels, with courses like as physics, chemistry, biology, and computer science authorized to be taught in English, frequently utilizing partial or full immersion bilingual techniques. Only 818 of the 5,922 instructors who used EMI taught exclusively in English. Understanding the concept of trilingual education in Kazakhstan is crucial. According to Mehisto et al. (2014), this approach is based on using three languages as the principal method of instruction in educational institutions: Russian, Kazakh, and English. The early stages of this initiative included the implementation of EMI and the construction of universities with trilingual programs.

The crucial significance of English as a second language in bolstering the nation's future competitiveness. Similarly, the importance of English in the context of language education in Kazakhstan. It is viewed as a crucial element in the multilingual setting, alongside the diversity of languages and ethnicities present. According to Ahn and Smagulova (2022) the current situation underscores the impact of linguistic transformation in Central Asia, specifically concerning the availability, prospects, and engagement with the English language. English offers a fascinating perspective for examining the linguistic environment in these contexts. Access to the dominant language within a country establishes a connection between language and a particular sense of identity or citizenship. However, access to languages such as English (or Russian) provides opportunities that extend beyond national borders. Individuals in transitional environments can efficiently utilize their available resources to navigate these environments, thereby gaining access to global possibilities and industries. Given the intricate nature of this evolving situation,

it is essential to translate the experiences of native language speakers into well-informed policy discussions, particularly concerning the use of English as a Medium of Instruction. This approach should also influence teaching approaches and methodologies in the context of EMI to advance society towards concept of public multilingualism. The goal of this concept is to ensure that people have necessary access to widely spoken languages, such as English, within the framework of EMI, in order to reduce overall social inequality in educational institutions.

Kazakhstan's language education strategy plays a pivotal role in the nation's development by addressing linguistic diversity, implementing initiatives utilizing EMI, and enhancing human capital and competitiveness. The Kazakhstani government has increasingly emphasized the importance of English proficiency over the past decade, recognizing its pivotal role in modernization and development. Initially, in accordance with the 1997 Law on Languages of the Republic of Kazakhstan, Kazakh and Russian were designated as the official languages, with Kazakh as the state language and Russian for interethnic communication. The adoption of English as a medium of instruction was established in 2006 through the 'Trinity of Languages' program, with the goal of fostering well-educated individuals[19-23].

The "Kazakhstan-2050" plan, initiated by Nazarbayev in 2012, aims to position Kazakhstan among the thirty most competitive nations globally. The declarations within Kazakhstani national policy, encapsulated in the Kazakhstan 2050 Strategy, underscore the imperative of "achieving a breakthrough in English learning" and stress that the "proficient use of this language will provide every citizen of the nation with boundless new opportunities in life". Initially, it was envisioned that the proportion of international students in higher education would reach 5% by 2020. However, subsequent policy documents have outlined alternative targets for this demographic: 6% in 2021, 10% in 2025, and 20% in 2050 (MoES, 2016, p. 130). As of post-COVID, the number of international students enrolled in Kazakhstan's universities stood at 40,043, a significant increase compared to the previous year's figure of 21,727.

However, despite the significant increase in the number of international students, this progress is hindered by various obstacles. The provision of preparatory courses for international students is underdeveloped, and their

language proficiency remains inadequate. According to the analytical report on the implementation of the Bologna Process principles, faculty members who instruct in English face challenges.

In 2011, Kazakhstan's participation in the Bologna Process enabled higher education institutions to promote international cooperation by offering educational programs in multiple languages. As part of the 'Trilingual Education' project, 42 universities implemented specialized student groups that enrolled in courses taught in three different languages. Nevertheless, despite these commendable legislative changes, research conducted on the use of EMI in Kazakhstani universities underscores enduring language-related challenges. A significant issue in this context is the inadequate English language skills of both instructors and students, leading to suboptimal language proficiency and issues in language administration. Over 60% of students face linguistic barriers due to insufficient grammar comprehension and ineffective communication skills. In a study by Irsaliyev et al. (2017), it was revealed that a vast majority of students in multilingual groups, specifically 97%, exhibit inadequate English language proficiency, primarily at the A1 to A2 competency levels. These issues can be attributed to shortcomings in assessing English language skills in primary and secondary schools, as well as inadequate efforts to train teachers in language proficiency.

Furthermore, senior faculty members encounter difficulties when delivering instruction in English, contributing to resistance against EMI. In addition, although students in EMI programs improve their English vocabulary, they often rely on translanguaging during language activities. Aitzhanova (2020) found that students readily embrace translanguaging and acknowledge its positive impact on their self-confidence, contrary to the expectations for monolingual individuals. Manan et al., (2023) aimed to analyze the EMI policy and investigate how STEM educators in various regions of Kazakhstan comprehend the procedures of policy development and execution. The study utilized the public sphere paradigm to suggest that LPP should be examined based on the intricate practices of local stakeholders/communities. The study is based on qualitative interviews conducted with 58 STEM teachers from six regions of Kazakhstan. According to Manan et al., (2023) evidence indicates that the policy was implemented suddenly without any systematic testing or

thorough examination of instructors' English language requirements and pedagogical issues. Despite the lack of adequate support, instructors exhibit self-reliance and responsive agency by creatively navigating and adapting to the policies. Manan et.al. highlight that a well-intentioned regulation can encounter an implementation crisis if instructors are solely responsible without being provided the essential support. Furthermore, examinations of institutional and national policy documents reveal prevailing ideological discourses emphasizing the prestige and importance of the English language, as well as EMI's integral role in the internationalization of higher education. This internationalization is seen as beneficial for enhancing the competitiveness of graduates, promoting the internationalization of education, and exporting educational services. Moreover, these findings corroborate previous studies conducted in other Asian countries where discourses of internationalization similarly shape EMI policies.

The implementation of EMI by university administrations in Kazakhstan is framed as an element of national policy-aligned internationalization strategies. Both faculty and students share the administration's perception of the necessity for EMI and internationalization. This congruence can be attributed to a compliance mentality and a top-down approach rooted in the Soviet era, which continues to influence the majority of reforms and policies implemented in Kazakhstan.

Despite the Kazakhstani government's efforts to address these concerns through training, funding for international scholars, and modifications to admissions criteria, it appears that these measures fall short in ensuring the overall quality of multilingual programs, particularly EMI. Further investigation is warranted to assess whether policy changes following 2019 and the impact of the COVID-19 pandemic have influenced instructional practices.

In summary, Kazakhstan's EMI program, aimed at enhancing competitiveness and developing human capital, faces significant challenges. These challenges stem from a combination of insufficient English proficiency among both staff and students, resistance to implementing innovative teaching approaches, and limited support from administrative bodies. In conclusion, based on the information stated above to enhance the effectiveness of EMI and trilingual education, a more precise strategy is needed, focusing on teacher

preparation, effective language policy implementation, and comprehensive student support[21-29].

FINDINGS AND DISCUSSION

Resistance from below: Students' shaping the course of of the policy

In the context of English Medium Instruction (EMI) policies at universities in Kazakhstan, resistance from students plays a critical role in shaping the course of the policy. Although EMI is designed to enhance students' English proficiency and improve their global competitiveness, the practical challenges faced by students often result in forms of resistance that influence the implementation of these policies. This resistance stems from a variety of factors, including students' low English proficiency, cultural identity, and their need to rely on multilingual resources to navigate their academic environment.

One key aspect of resistance is students' use of translanguaging as a coping mechanism in EMI classrooms. While the policy may promote an English-only environment, many students strategically integrate their native languages (Kazakh or Russian) to make sense of complex academic content. This resistance is not an outright rejection of EMI but rather an adaptation to the linguistic challenges imposed by the policy. As the findings suggest, translanguaging allows students to engage more effectively with course material and participate in class discussions, thus reshaping the language practices within the classroom despite the policy's monolingual intent.

Another form of resistance is students' critique of the disconnect between policy and practice. The EMI policy often assumes a level of English proficiency that many students do not possess, leading to anxiety and disengagement. Students expressed dissatisfaction with the lack of support structures, such as professional development for teachers or adequate learning resources, which hinders their academic progress. Through informal conversations, complaints, and feedback, students resist the top-down imposition of EMI by voicing their needs for a more flexible and supportive learning environment that accommodates their multilingual realities.

Moreover, students' resistance highlights the agency they exercise in language policy implementation. While the EMI policy is formulated at the top, students at the micro-level reshape its application through their daily linguistic choices. This bottom-up influence suggests that students are not passive

recipients of language policy; instead, they actively engage with and transform it in ways that align with their linguistic and academic needs. In doing so, they contribute to a more nuanced and localized form of EMI, one that better reflects the multilingual context of Kazakhstan.

In conclusion, resistance from students plays a pivotal role in the dynamic process of EMI policy implementation. Through practices like translanguaging and critical feedback, students challenge the idealized notions of English-only instruction and advocate for more flexible, contextually relevant approaches. This bottom-up resistance not only reshapes classroom practices but also signals the need for policymakers to consider local linguistic realities when designing and enforcing EMI policies.

Based on the findings of the study, and the emerging complexities around different stakeholders' different beliefs, language preferences, and their varied practices, it becomes clear that language policy can be a rather complex thing. Because different actors and implementors are involved at different levels in decision making at the macro-level (institutional), trying to take the policy at different directions and practices. Several other researchers working on language policy also used the same conceptual underpinning to explore and understand the policy from a 'multi-layered onion' lens. For instance, the university has EMI as an official language policy, which means all those programs that are declared as EMI, should use English as the main medium of instruction. The management wants teachers and students to implement the same. Similarly, teachers also show their preferences for an EMI policy, in which only English is used across all activities. But among teachers, there is also some difference. One of the teachers (Assel) stated that not only English, but the local languages should also be used openly when they are needed. But other teachers maintain an idealized notion of EMI. They believe that EMI means only English language. To add further to the complexity, and the subtle tensions that underlie policy and practices, students on the other hand pull the policy in their ways. In one of the sections from the findings, I have referred to the same tension between teachers and students, where students apparently tend to resist the English-only policy teachers want to enforce. Several other examples from the data also report students' different language practices and preferences, seemingly opposed to the official language policy. As I discussed, the use of the local languages (Kazakh or

Russian) in defiance of policy directives naturally results from students' needs for clarity and effective learning, highlighting the ongoing negotiation and reinterpretation of policies at the ground level. Similarly, I also discussed the changing attitudes and practices of those teachers, who ideologically desire for language separation, and English-only policy. However, the realities of the classrooms, students, and other contextual issues make to adjust and adapt their language use in real classroom practices, where they find linguistic flexibility and translanguaging more useful practice in their contexts. Thus, the multilingualism they take recourse to, is a forced measure, not a desired practice they would have done if they had any other choice.

Thus, in my research the analogy of EMI policy as a "multi-layered onion" captures the complexity of a framework where language policies have multiple levels of influence, each affecting the others. This metaphor highlights how policies are interpreted and implemented across different layers from top-down policies to bottom-up practices, affecting different decisions and actions around language use or language abandonment around classroom interactions, teaching and learning. Each layer, for example, from institutional strategies and national language policies, interacts and impacts teachers and students. The interaction between policy interpretation and practice often takes a complex shape due to the dynamic and ever-evolving nature of these layers, the implementors, especially working at the micro-level.

My research data vividly showcases this intricate interaction through the contrast between teachers' enforcement of an English-only policy and the practical ways students use their native/local languages to communicate and understand. This tension stems from an apparent disjunction and gap between the internal realities of the classroom and the external mandates of institutional policy, which promotes the use of English-only ideology. In the meanwhile, students and teachers use their L1 and L2 to facilitate learning and comprehension in EMI classroom. This situation arises due to the inherent challenges and contradictions in implementing monolingual EMI policies within multilingual contexts. It also points to the different visions in which policymakers design policies with specific socio-economic and educational objectives, while teachers and students at the micro-level may not necessarily adjust with the same. Many a times, as in the case of my research, the real

implementers, and end-users of the policies struggle with these policies within the practical confines of their linguistic and academic environments. Previous research in Kazakhstan has also demonstrated the disadvantages of keeping a linguistically rigid and inflexible stance in a multilingual classroom context, and such research also confirm the benefits and efficacy of multilingual practices in the form of translation, using students L1, or using translanguaging as a constant pedagogical tool. Also, scholars in applied linguistics and language and education call for the acceptance of multilingual practices as a norm. For instance, while advocating for his framework labeled as multilingual turn.

In my research, through classroom observations and interviews with teachers and students, I noted how several participants emphasized the dynamics of their actions, particularly the need for policies that are adaptable yet prescriptive, considering the language needs of students within a multilingual context. Such an approach requires a deep understanding of the “multi-layered onion” of policy within EMI settings, where the unique challenges and contributions of each layer are acknowledged and integrated into a cohesive policy strategy.

CONCLUSION

Drawing on evidence from interviews, document analysis, and observations, this study demonstrates that stakeholders’ perceptions (teachers, students, and university leadership) and understanding of the English as a Medium of Instruction (EMI) policy are shaped by a combination of institutional goals, practical constraints, and prevailing ideological viewpoints. The persistent focus on promoting English-medium education often leads stakeholders, particularly administrators and teachers, to advocate for educational approaches that prioritize English at the expense of Kazakh, Russian, and other local languages, underestimating their value as effective teaching tools. This disregard, rooted in a deficit language ideology, perpetuates the belief that non-English languages are inherently inferior, creating a system that undervalues the linguistic skills of local communities and students.

In this ideological framework, the “English medium idealism syndrome” emerges as a dominant mindset, leading university leadership and faculty members to advocate solely for English instruction while expressing disapproval of the local languages. This belief aligns with the “TESOL” or “ELT orthodoxy,”

which emphasizes a strict separation between native languages and English, advocating for the exclusive use of English in educational settings. The dominance of English-speaking nations in the Inner Circle significantly shapes these attitudes, leading to teaching theories that overlook the importance of local languages and perpetuate disparities in teaching methods.

The study identifies an element of neoliberal rationality in the implementation of EMI policy, which is highly valued by university leadership. This approach links EMI to broader market principles such as efficiency, competition, and independence. At the private university in Astana, the promotion of EMI serves not only its educational purpose, but also its strategic objectives such as improving global rankings and attracting international students through a market-oriented approach. Neoliberalism, initially deemed as purely an economic policy, is now deeply entrenched as an established global ideology that extends the logic of the market and profit to govern “all spheres of social life, education, language, urban space, and individuals’ lives” (p. 544). Neoliberal rationality also influences the individuals’ ways of thinking, doing, and planning.

REFERENCES:

1. Ahn, E. S., & Smagulova, J. (2022). English language choices in Kazakhstan and Kyrgyzstan. *World Englishes*, 41(1), 9–23.
2. Aitzhanova, K. (2020). *Perceptions and attitudes of students towards multilingual practices in an EMI STEM classroom at two Kazakhstani universities* (Master’s thesis, Nazarbayev University Graduate School of Education).
3. Baker, C. (2011). *Foundations of bilingual education and bilingualism*. Multilingual matters.
4. Baldauf Jr, R. B. (2006). Rearticulating the case for micro language planning in a language ecology context. *Current issues in language planning*, 7(2–3), 147–170.
5. Canagarajah, S. (2021). Materialising semiotic repertoires: Challenges in the interactional analysis of multilingual communication. *International Journal of Multilingualism*, 18(2), 206–225.

-
6. Cenoz, J., & Gorter, D. (2022). Pedagogical translanguaging and its application to language classes. *RELC journal*, 53(2), 342-354.
 7. Chimbutane, F. S. (2009). *The purpose and value of bilingual education: A critical, linguistic ethnographic study of two rural primary schools in Mozambique* (Doctoral dissertation, University of Birmingham).
 8. Cummins, J., Bismilla, V., Chow, P., Cohen, S., Giampapa, F., Leoni, L., & Sastri, P. (2006). ELL students speak for themselves: Identity texts and literacy engagement in multilingual classrooms. *Accessed November 19, 2008*.
 9. Dumanig, F., & Symaco, L. (2020). Internationalization of higher education in Malaysia and the Philippines: A comparative analysis of mission and vision statements of selected universities. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 12(4), 1–13.
 10. Fang, F., & Sah, P. K. (Eds.). (2023). *English-medium instruction pedagogies in multilingual universities in Asia*. Taylor & Francis Group.
 11. Galloway, N., Numajiri, T., & Rees, N. (2020). The ‘internationalisation’, or ‘Englishisation’, of higher education in East Asia. *Higher Education*, 80(3), 395-414.
 12. García, O. (2017). Critical multilingual language awareness and teacher education. *Language awareness and multilingualism*, 263, 280.
 13. Goodman, B., Kambatyrova, A., Aitzhanova, K., Kerimkulova, S., & Chsherbakov, A. (2022). Institutional supports for language development through English-medium instruction: A factor analysis. *Tesol quarterly*, 56(2), 713-749.
 14. Goodman, B., & Karabassova, L. (2018). Bottom up and top down: Comparing language-in-education policy in Ukraine and Kazakhstan. In *Comparing post-socialist transformations: Education in Eastern Europe and Former Soviet Union* (p. 147). Symposium Books.
 15. Goodman, B. A., Kerimkulova, S. I., & Montgomery, D. P. (2021). Translanguaging and transfer of academic skills: Views of Kazakhstani students in an English-medium university. *English-medium instruction and translanguaging*, 141–157.
 16. Goodman, B., & Tastanbek, S. (2021). Making the shift from a codeswitching to a translanguaging lens in English language teacher education. *TESOL quarterly*, 55(1), 29–53.
-

-
17. Guba, E. G., & Lincoln, Y. S. (1994). Competing paradigms in qualitative research. *Handbook of qualitative research*, 2(163-194), 105.
18. Han, Y., & Dong, J. (2024). Reproducing inequality while celebrating diversity: an ethnographic study of international students' EMI learning experiences in China. *Current Issues in Language Planning*, 25(1), 1-22.
19. Hornberger, N. H. (2015). Selecting appropriate research methods in LPP research: Methodological rich points. *Research methods in language policy and planning: A practical guide*, 9-20.
20. Irsaliyev, S., Karabassova, L., Mukhametzhanova, A., Adil, A., Bekova, M., & Nurlanov, Y. (2016). *Teaching in three languages: International experience and recommendations for Kazakhstan*. JCS Information Analytic Centre.
21. Karabassova, L., & San Isidro, X. (2023). Towards translanguaging in CLIL: A study on teachers' perceptions and practices in Kazakhstan. *International Journal of Multilingualism*, 20(2), 556–575.
22. Kerimkulova, S., Goodman, B., & Aitzhanova, K. (2023). EMI in higher education in Kazakhstan: Policy supports and challenges. In *Policies, politics, and ideologies of English-medium instruction in Asian universities* (pp. 15-32). Routledge.
23. Kirkpatrick, A., & Liddicoat, A. J. (Eds.). (2019). *The Routledge international handbook of language education policy in Asia*. Routledge.
24. Manan, S. A., Channa, L. A., & Haidar, S. (2022). Celebratory or guilty multilingualism? English medium instruction challenges, pedagogical choices, and teacher agency in Pakistan. *Teaching in Higher Education*, 27(4), 530-545.
25. Manan, S. A., & David, M. K. (2021). Deprescriptivising folk theories: Critical multilingual language awareness for educators in Pakistan. *The Language Learning Journal*, 49(6), 668-685.
26. Manan, S. A., Tajik, M. A., Hajar, A., & Amin, M. (2023). From colonial celebration to postcolonial performativity: 'guilty multilingualism' and 'performative agency' in the English Medium Instruction (EMI) context. *Critical Inquiry in Language Studies*, 1–28.
27. Manan, S. A., Channa, L. A., & Haidar, S. (2023). Fostering the multilingual agenda in EMI: Researchers as reflective thinkers and stance shifters. In P. K. Sah & F. Fang (Eds.), *English-Medium Instruction Pedagogies in Multilingual Universities in Asia*: Routledge.
-

28. Manan, S. A., Tajik, M. A., Hajar, A., & Amin, M. (2023). From colonial celebration to postcolonial performativity: 'guilty multilingualism' and 'performative agency' in the English Medium Instruction (EMI) context. *Critical Inquiry in Language Studies*, 1-28. doi:10.1080/15427587.2023.2242989

29. Manan, S. A., Mukhamediyeva, S., Kairatova, S., Tajik, M. A., & Hajar, A. (2024). Policy from below: STEM teachers' response to EMI policy and policy-making in the mainstream schools in Kazakhstan. *Current Issues in Language Planning*, 25(1), 89–

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ЖЕКЕ УНИВЕРСИТЕТТІҢ КӨПТІЛДІК ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ АҒЫЛШЫН ТІЛІ ОРТА НҰСҚАУ САЯСАТЫ МЕН ПРАКТИКАСЫ

Аңдатпа. Бұл мақалада әлемдегі жоғары білім беру саласында ағылшын тілінде оқытудың өсуі талқыланады. Бұл халықаралық интеграция мен ағылшын тілін басымдыққа қоятын неолибералдық саясаттардың нәтижесі болып табылады. Ағылшын тілінде оқыту саясаты жаһандық бәсекеге қабілеттілікті арттыруға және халықаралық студенттерді тартуға бағытталғанымен, оның жүзеге асырылуы ағылшын тілін қолдауға бағытталған идеологиялық бейтараптықтың болмауы, шектеулі ресурстар мен әділеттілік мәселелері сияқты проблемаларды тудырады. Мүдделі тараптар, соның ішінде оқытушылар мен студенттер, кеңес беру мен қолдаудың жеткіліксіздігінен қиындықтарға тап болады. Ағылшын тілінде оқыту саясатын қолдану кең таралған, әсіресе Қазақстан сияқты елдерде, мұнда үкімет үш тілде білім беруді белсенді түрде алға жылжытады. Дегенмен, тілдік әртүрлілік пен инклюзияға қатысты алаңдаушылықтар бар, өйткені ағылшын тілінің үстемдігі жергілікті тілдерді шеттетуге мүмкін. Бұл мәселелерді шешу үшін жергілікті тілдердің рөлі мен барлық мүдделі тараптардың мүдделерін мойындайтын неғұрлым инклюзивті саясат ұсынылады. Транслингвизм мен көптілділік оқушылардың тілдік репертуарын интеграциялау арқылы ағылшын тілінде оқыту саясатының тиімділігін арттыру жолдары ретінде ұсынылады. Зерттеу білім беру ортасының жергілікті контекстері мен күрделі шындықтарын ескеретін саясаттардың қажеттілігін атап көрсетеді.

Түйін сөздер: интернационализация, саясат, практика.

ПОЛИТИКА И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ СРЕДСТВУ В МНОГОЯЗЫЧНОМ КОНТЕКСТЕ ЧАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация. В публикации обсуждается рост преподавания на английском языке в высшем образовании по всему миру, обусловленный международной интеграцией и неолиберальными политиками, ставящими английский язык в приоритет. Хотя политика преподавания на английском языке направлено на повышение глобальной конкурентоспособности и привлечение международных студентов, его реализация порождает такие проблемы, как идеологические предвзятости в пользу английского, ограниченные ресурсы и вопросы справедливости. Заинтересованные стороны, включая преподавателей и студентов, сталкиваются с трудностями из-за недостаточного консультирования и поддержки. Использование политики преподавания английского языка широко распространено, особенно в таких странах, как Казахстан, где правительство активно продвигает трёхязычное образование. Однако существует обеспокоенность по поводу языкового разнообразия и инклюзии, так как доминирование английского языка может маргинализировать местные языки. Для решения этих вопросов рекомендуется более инклюзивная политика, признающая роль местных языков и интересы всех заинтересованных сторон. Транслингвизм и многоязычие предлагаются как подходы для повышения эффективности политики преподавания на английском языке путем интеграции полного языкового репертуара учащихся. Исследование подчеркивает необходимость разработки политик, учитывающих местные контексты и сложные реалии образовательной среды.

Ключевые слова: интернационализация, политика, практика.

Information about the author: Aigerim Kazhigaliyeva, MA in Multilingual Education, PhD in Education Vice dean for Academic Affairs, Astana International University, Astana, Kazakhstan, aigerim.kazhigaliyeva@aiu.edu.kz

Автор туралы мәлімет: Кажғалиева Айгерим, Көптілді білім беру магистрі, PhD, Өнер және гуманитарлық ғылымдар жоғарғы мектебі деканының оқу ісі жөніндегі орынбасары, Астана халықаралық университеті, Астана, Қазақстан, aigerim.kazhigaliyeva@aiu.edu.kz

Сведения об авторе: Кажғалиева Айгерим, магистр полиязычного образования, PhD, заместитель декана по учебной работе Высшей школы искусств и гуманитарных наук, Международный университет Астана, Астана, Казахстан, aigerim.kazhigaliyeva@aiu.edu.kz

УДК 37.014.5(5-191.2)

МНТРИ 11.25.40

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОВ В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПТА «SOFT POWER»

*Жакьянова А.М.¹, Байсадахаова И.У.²

¹ доктор философии PhD, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Казахстан, e-mail: zhakyanova.a@inbox.ru

² магистр социо-гуманитарных наук, e-mail: workbest@mail.ru

Аннотация. Формирование концептов в теории международных отношений является важным процессом, поскольку концепты помогают исследователям и политикам интерпретировать и объяснять сложные явления международной политики. Одним из ключевых концептов в международных отношениях стал концепт «Soft Power» (мягкая сила), введенный Джозефом Наем в конце 1980-х годов. На примере этого концепта можно проследить, как теории международных отношений развивают и используют концепты для объяснения изменений на глобальной арене.

Целью данного исследования выступает обзор диссертационного исследования С. Винклер «Conceptual Politics in Practice: How Soft Power Changed the World» в Стокгольмском университете. Она опирается на ряд критических концептуальных исследований, в основу которых был взят концепт «мягкая сила», характеризующийся как гибкий, оспариваемый и социально сконструированный. В своем исследовании С. Винклер анализирует процесс формирования концепта «мягкая сила», его признание научным сообществом, а также последующие дискуссии и вызовы, возникавшие в различных политических контекстах.

В ходе исследования был проведен анализ методологии в исследовании С. Винклер. На основе абдуктивного подхода автор анализирует политическую концептуальную систему. Концепция «мягкой силы» рассматривается автором как кейс-стади в исследовании. В качестве методологических основ и правомочности концепции на существование, С. Винклер выдвигает 3 критерия для изучения понятий концепций: характер взаимодействия («feedback loops»), реификация («reification») или материализация/ практическая реализация и трансфер понятий («travelling»).

Ключевые слова: теория, международные отношения, политическая концептуальная система, «soft power», мягкая сила, концепты, С. Винклер.

ВВЕДЕНИЕ

Трансформация системы международных отношений, которая последовала после Холодной войны и появление разного уровня акторов на мировой арене, таких как общественные организации, транснациональные компании, НПО, профессиональные ассоциации и отдельные личности,

требовала новой методологии, инструментов для объяснения происходящего. Более того динамичное развитие информационно-цифровых технологий, процессы глобализации и деглобализации, мультиполярность и многоуровневое соперничество государств не поддаются объяснению сложившейся научной картиной мира. Это всё породило своего рода кризис и в международных отношениях, так Булекбаев С.Б. отмечает, что «современная общественная наука не только не понимает мир, но и не может его объяснить привычным для нас языком... Сегодня совершенно очевидно, что в контексте новых реалий, многие понятия из области международных отношений нуждаются в уточнении и конкретизации» (Bulekbayev et al., 2020).

Концепция «Мягкой силы» в современных международных отношениях стала одним из инструментов новой методологии в построении эффективной политической коммуникации. Дж. Най оформивший эту теорию в 1990 году, аккумулировал идею о необходимости расширения трактовки категории «силы». Большинство научных школ не видели перспективы соотносить «силу» с военной, что привело к трансформации теоретического и практического осмысления силы в системе международных отношений.

Определенно, представленная Дж. Наем концепция не претендует на статус ноу-хау в теории международных отношениях, это давно существующие явления и процессы, которые, при этом, ранее не были концептуализированы в качестве академических определений. Необходимо учитывать, что категория мягкой силы шире, чем публичная дипломатия, гражданская дипломатия, «брендинг» государств или пропаганда. Основой концепции «мягкой силы» стало исследование универсальных принципов и технологий взаимодействия и взаимозависимости международных акторов, которые сместили фокус с практических вопросов. Концепция, разделяющая силу на «мягкую» и «жесткую», не включает весь спектр властных отношений, складывающихся в международно-политической среде. Главным критерием разделения, согласно Дж. Наю, выступает выяснение вопросов: а) напрямую действует актор или опосредованно; б) использует актор принуждение или привлекательность. «Мягкая сила», таким образом, – это способность субъекта заставить других изменить свое поведение, действуя опосредованно, без прямого принуждения, используя собственную привлекательность. Но привлекательность – достаточно субъективный опыт, поэтому закономерны вопросы, что же делает вещь, идею или явление привлекательными для одних и непривлекательными для других (Zhakyanova et al., 2023).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Ряд исследователей и сам Дж. Най отмечают, что идея использовать «мягкую силу» для установления власти восходит к древнекитайским философам, таким как Лаоцзы, жившем в 7 веке до н. э. «в мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет» (Nye, 2021).

Одной из предшественниц концепции «мягкой силы» была концепция «культурно-идеологической гегемонии», которая была разработана итальянским философом Антонио Грамши в 1930-1940-х годах в «Тюремных тетрадях» (Gramsci, A. (1930–1940). *Prison notebooks*). Дж. Най упоминает работы Грамши в качестве оснований концепции мягкой силы. Главной идеей Грамши является вывод о том, что государственная система основывается не на одних материальных ресурсах, важную основу также составляют идеологические, а точнее культурные и интеллектуальные. Он обозначил этот факт в качестве идеологического лидерства или «гегемонией», которое функционирует наряду с принуждением (доминированием) определенных групп общества. Согласно Грамши, гегемония соотносится наилучшим образом с институтами гражданского общества (СМИ, партии, профсоюзы, образовательные и культурные учреждения, религиозные объединения и т. д.). Функция поддержки гегемонии, согласно Грамши, отведена «органическим интеллектуалам» (идеологам-практикам, формирующим интеллектуальный климат в обществе).

Так, в зарубежной научной среде можно выделить ряд исследователей, которые начали теоретически обосновывать изменяющуюся роль категории «силы» в международных отношениях: М. Баратц и П. Бахрах в статье «Two Faces of Power» (1962г.) Авторы статьи, американские либеральные политологи выделили два типа власти: первое лицо – политическая власть или власть «господствующего класса», представителей элит, которую также характеризуют как отчужденную. Второе лицо власти – социальная власть, то есть власть, осуществляемая социальными отношениями, неотчужденная власть, действующая без прямого силового воздействия и вмешательства репрессивных структур (Bachrach, P., & Baratz, M. S. (1962).

С. Льюкс в работе «Power: a Radical View» (2005) С. Льюкс в своей работе «Власть: радикальный подход» выделяет 3 «лица» силы/власти: первое представляет собой силу принимать и реализовывать решения, второе – «устанавливать повестку» и таким образом формировать и ограничивать пространство дискурса, третье – способность манипулировать

желаниями и предпочтениями других, убеждать других желать того же, что желает субъект силы (Lukes, 2005).

Американский экономист и социолог Кеннет Ю. Боуддинг выделяет три типа властных отношений: деструктивные, продуктивные и интегративные. Деструктивные отношения построены на угрозах, продуктивные – на обмене, а интегративные – на чувствах любви и ненависти. Каждому из трёх типов властных отношений соответствует свой теоретический подход, ставящий во главу угла либо неотвратимость наказания, либо возможность вознаграждения, либо обеспечение легитимности. Это такие подходы как неореализм, неолиберализм и конструктивизм (Boulding, 1974).

Эти работы стали своего рода теоретическим фундаментом концепции «мягкой силы». Общей мыслью данных авторов является идея о различных «лицах»/проявлениях силы в системе международного взаимодействия.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалами для данной статьи являются первичные и вторичные источники. В качестве первичных материалов, а также основой для обзора было обозначено диссертационное исследование С. Винклер «Conceptual Politics in Practice: How Soft Power Changed the World» (Winkler, 2020), которая была защищена в Стокгольмском университете в 2020 году. Диссертация получила приз за лучшую исследовательскую работу докторантов по социальным наукам в Стокгольмском университете. Наряду с диссертационной работой С. Винклер были изучены статьи автора в базе данных Скопус и личный сайт исследователя.

Вторичными материалами выбрана другая научная литература, критические обзоры и рецензии, которые использовались для контекста и более полного сравнительного анализа.

В статье основой исследования стала **качественная методология** с акцентом на критический анализ и синтез информации. Основные методологические подходы включают: **критический анализ, метод систематизации, контекстуализация и другие общенаучные методы и подходы.**

С помощью критического анализа была изучена диссертация С. Винклер, где основным объектом изучения выступали теоретические основы, методология, ключевые аргументы и выводы. Это помогло выявить сильные и слабые стороны исследования, оценить его значимость для научного сообщества, а также сравнить с аналогичными работами; **метода систематизации** были структурированы основные положения

анализируемой работы, ключевые концепты, гипотезы и результаты исследования, что дало обоснование его вклад в научную область; **контекстуализации** был проведен сравнительный анализ работы с предыдущими исследованиями по чтобы показать ее новизну, актуальность или уникальность в изучении концепта «Soft power».

Использованные материалы и методы исследования в совокупности формируют комплексный подход к анализу, где акцент делается на глубокое понимание и критическое осмысление работы С. Винклер, а также на ее значимость в более широком научном контексте.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Одно из последних исследований в области теории международных отношений, посвященных «мягкой силе» принадлежит Стефани Кристин Винклер в Стокгольмском университете.

Винклер С. выделяет три фактора, которые способствовали продвижению концепции «мягкой силы»:

1. Концепция «мягкой силы» в период неопределенности, то есть после окончания Холодной войны приобрела «негласный статус здравого смысла» или стала новой интерпретацией мироустройства. Опираясь на предыдущие исследования о природе власти, силы и мощи, Дж. Най сформулировал универсальное руководство для ведущих держав (США, Китай, Япония) для построения внешней и внутренней политики, которая не производила прямые угрозы для других акторов. Идея взаимодействия, взаимозависимости легла в основу концепции, тем самым мировыми державами были оценены предполагаемая опасность, связанных со сменой власти.

2. Концепция «мягкой силы» стала политическим инструментом с помощью которой решались ряд проблем: начиная от легитимации внутренней и внешней политики заканчивая продвижением личной политики и интересов. Также на базе этой концепции начали появляться новые интерпретации и концепции в международных отношениях («острая сила», «липкая сила», дипломатия знания, космополитическая сила и т.д.).

3. Признание и использование ресурсов «мягкой силы» дали толчок к финансированию и развитию социальных сфер государств.

На основе абдуктивного подхода автор анализирует политическую концептуальную систему, то есть концепты, формирующие политическую систему.

В своем диссертационном исследовании Стефани Кристин Винклер использует несколько ключевых методов для исследования концептуальной политики и анализа роли мягкой силы в международных отношениях:

-
- Критический анализ концептов (Critical Concept Analysis). Винклер опирается на подход критических концептуальных исследований (Critical Concept Studies, CSS), который рассматривает концепты как открытые, оспариваемые и интерпретативные устройства. В рамках этого подхода концепции понимаются не как нейтральные или объективные, а как инструменты, используемые для формирования политического мышления и действия. Она фокусируется на том, как мягкая сила выступает объектом политической борьбы и как она формирует международные отношения.
 - В качестве методологических основ и правомочности обоснования своей авторской идеи, Винклер выдвигает 3 этапа для изучения жизнеспособности концепта: обратные связи («*feedback loops*»), реификация или материализация/практическая реализация («*reification*») и трансфер концептов («*travelling*»), то есть использование и толкование понятий в разные времена (Winkler, 2020). На рисунке 1 представлен механизм действия политической концепции, где:
 - Обратные связи (Feedback Loops).** Она анализирует, как интерпретации концептов (в частности, «мягкой силы») влияют на политическую реальность, и как эти изменения, в свою очередь, возвращаются и трансформируют саму концепцию.
 - Реификация (Reification).** Данный этап заключается в изучении того, как концепции начинают восприниматься как «реальные», хотя на самом деле они являются созданными человеком абстракциями. В случае мягкой силы это проявляется в том, как её начинают воспринимать как реальный элемент политической стратегии.
 - Трансфер концептов (Travel).** На этом этапе исследуется как концепции перемещаются во времени, пространстве и между различными политическими контекстами (например, из США в Японию и Китай) и как они трансформируются в этих процессах.
-

Рис. 1 Механизм действия политической концепции по Винклер С.

- Метод процесс-трейсинга (Process-Tracing). С. Винклер использует процесс-трейсинг для изучения конкретных примеров того, как концепция мягкой силы распространилась и адаптировалась в разных странах. Она отслеживает динамику изменений концепции в политических дискурсах США, Японии и Китая, а также изучает, как различные акторы влияли на её развитие и интерпретацию.
- Кейс-стадии (Case Study Design). В исследовании используется дизайн кейс-стадии, который позволяет глубже изучить одну концепцию в разных контекстах. В данном случае это концепция мягкой силы, изучаемая на примере трёх стран – США, Японии и Китая. Такой подход позволяет автору детально проанализировать динамику концептуальной политики в этих странах и выделить уникальные аспекты применения концепции в каждом из контекстов. Концепция мягкой силы была введена Джозефом Наем в конце 1980-х годов, когда возникли опасения по поводу глобального лидерства США после окончания холодной войны (Nye, 2004). Винклер подчеркивает, как мягкая сила стала ключевым инструментом продвижения американского лидерства, акцентируя культурную и идеологическую привлекательность. Через обратные связи мягкая сила начала

восприниматься как реальный элемент международной политики, укрепляя её роль во внешней политике США. В Японии мягкая сила стала частью культурной дипломатии, ориентированной на популяризацию японской культуры и укрепление ее глобального имиджа. В Китае мягкая сила была адаптирована в рамках стратегии мирного подъема страны, подчеркивая необходимость избегать восприятия Китая как угрозы.

- Интерпретативный подход (Interpretivist Approach). Этот подход заключается в анализе того, как различные акторы (политики, академики, исследователи) интерпретируют и используют концепцию мягкой силы. Винклер изучает не столько объективную реальность, сколько субъективные интерпретации и их влияние на политическую практику.

Таким образом, теория международных отношений трансформируется и обогащается благодаря развитию концептов в разных контекстах, как отмечает Стефани Кристин Винклер в своей диссертации, концепты путешествуют между странами и политическими контекстами, что вносит изменения в их значение. Эти методы позволили детально исследовать, как концепция мягкой силы возникла, развивалась и повлияла на международные отношения, а также как она использовалась в разных политических контекстах.

ВЫВОДЫ

В теории международных отношений концепты играют ключевую роль, помогая классифицировать, объяснить и анализировать процессы глобальной политики. Концепты, такие как «Soft Power» (мягкая сила), появляются в ответ на изменяющиеся условия мировой политики и потребности ученых и политиков в интерпретации этих изменений.

Концепт был быстро принят политическими кругами, особенно в США, где он стал важным элементом внешнеполитической стратегии. В своей книге "Soft Power: The Means to Success in World Politics" (2004) Джозеф Най детализировал влияние мягкой силы на внешнюю политику США.

Формирование концептов в теории международных отношений, таких как мягкая сила, является важным процессом, который помогает объяснять сложные международные процессы. Концепты не только описывают реальность, но и влияют на то, как она формируется и воспринимается. Пример мягкой силы показывает, как концепции могут

стать частью политических стратегий и глобальных дискурсов, изменяя подходы к власти и влиянию в международных отношениях.

Политическая концептуальная система, как отмечает С. Винклер, связана с тем, как концепты создаются, продвигаются и меняются под воздействием различных акторов (ученых, политиков, медиа). Концепт мягкой силы прошел через несколько стадий трансформации, когда его значение менялось в зависимости от политических условий в США, Японии и Китае. Это показывает, что концепты могут быть не только теоретическими абстракциями, но и активными инструментами политической борьбы.

Исследование С. Винклер демонстрирует сложную природу мягкой силы как концепции, формирующей международные отношения. Отслеживая концептуальную политику вокруг мягкой силы, исследование углубляет понимание того, как государства используют эту концепцию для навигации в глобальной политике и влияния на восприятие изменений силы. Это также подчеркивает важность критического подхода к концепциям в международных отношениях и их влиянию на политическую реальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bachrach, P., & Baratz, M. S. (1962). Two faces of power. *The American Political Science Review*, 56(4), 947–952.
2. Boulding, K. E. (1974). *Three faces of power*. Newbury Park, California: Sage Publications.
3. Вулекбаев, С. Б., & Булекбаева, Р. У. (2020). Методологические проблемы общественной науки в контексте вызовов современности. *Издательство*, 21.
4. Gramsci, A. (1930–1940). *Prison notebooks*
5. Lukes, S. (2005). *Power: A radical view* (2nd ed.). London: Palgrave Macmillan.
6. Nye, J. S. (2004). *Soft power: The means to success in world politics*. PublicAffairs.
7. Nye, J. S. (2021). Soft power: The evolution of a concept. *Journal of Political Power*. <https://doi.org/10.1080/2158379X.2021.1879572>
8. Winkler, S. C. (2020). *Conceptual politics in practice: How soft power changed the world* [Doctoral dissertation, Stockholm University]. Stockholm University.

9. Winkler, S. C. (n.d.). Home [Researcher website]. Retrieved from <https://www.stephaniechristinewinkler.com/home>

10. Zhakyanova, A. M., & Rusakova, O. F. (2023). The evolution of the concept of soft power in the work of Joseph Nye: Analysis of the main stages. *Известия. Серия: Международные отношения и регионоведение КазУМОиМЯ им. Абылай хана*, 51(1), 110–121.

"SOFT POWER" ТҰЖЫРЫМДАМАСЫ МЫСАЛЫНДА ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР ТЕОРИЯСЫНДАҒЫ ТҰЖЫРЫМДАМАЛАРДЫ ҚАЛЫПТАСТЫРУ

Аннотация. Халықаралық қатынастар теориясында тұжырымдамаларды қалыптастыру маңызды процесс болып табылады, өйткені тұжырымдамалар зерттеушілер мен саясаткерлерге халықаралық саясаттың күрделі құбылыстарын түсіндіруге және түсіндіруге көмектеседі. Халықаралық қатынастардағы негізгі тұжырымдамалардың бірі Джозеф Най 1980 жылдардың соңында енгізген «жұмсақ күш» тұжырымдамасы болды. Осы тұжырымдаманың мысалында халықаралық қатынастар теориялары жаһандық аренадағы өзгерістерді түсіндіру үшін тұжырымдамаларды қалай дамытып, қолданатынын байқауға болады.

Бұл зерттеудің мақсаты Стокгольм университетіндегі С.Винклердің «Conceptual Politics in Practice: How Soft power Changed the World» диссертациялық зерттеуіне шолу болып табылады. Ол икемді, даулы және әлеуметтік тұрғыдан құрылған ретінде сипатталатын «жұмсақ күш» тұжырымдамасына негізделген бірқатар сыни тұжырымдамалық зерттеулерге сүйенеді. С. Винклер өзінің зерттеуінде «жұмсақ күш» тұжырымдамасын қалыптастыру процесін, оны ғылыми қоғамдастық мойындауын, сондай-ақ әртүрлі саяси контексттерде туындаған кейінгі пікірталастар мен қиындықтарды талдайды.

Зерттеу барысында С.Винклердің зерттеуіндегі әдістемеге талдау жасалды. Абдуктивті тәсіл негізінде автор саяси тұжырымдамалық жүйені талдайды. "Жұмсақ күш" тұжырымдамасын автор зерттеуде кейс-стади ретінде қарастырады. Тұжырымдаманың өмір сүруге әдіснамалық негіздері мен жарамдылығы ретінде С.Винклер ұғымдар ұғымдарын зерттеудің 3 критерийін ұсынады: өзара әрекеттесу сипаты («feedback loops»), реификация («reification») немесе материалдандыру/практикалық іске асыру және тұжырымдамалық трансфералар («travelling»).

Түйін сөздер: теория, халықаралық қатынастар, саяси тұжырымдамалық жүйе, «soft power», «жұмсақ күш», тұжырымдамалар, С.Винклер.

CONCEPT FORMATION IN THE THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS ON THE EXAMPLE OF THE CONCEPT OF SOFT POWER

Abstract. The formation of concepts in International Relations theory is a crucial process, as concepts aid researchers and policymakers in interpreting and explaining the complex phenomena of international politics. One of the key concepts in International Relations has become the concept of "Soft Power," introduced by Joseph Nye in the late 1980s. The development of this concept provides an opportunity to trace how International Relations theories evolve and utilize concepts to explain changes on the global stage.

The aim of this study is to review S. Winkler's dissertation *"Conceptual Politics in Practice: How Soft Power Changed the World"* at Stockholm University. The study builds on a range of critical conceptual analyses, with "Soft Power" serving as a flexible, contested, and socially constructed concept. In her research, S. Winkler examines the process of forming the concept of "Soft Power," its acceptance within the academic community, and the ensuing debates and challenges that emerged in various political contexts.

The research includes an analysis of the methodology used in S. Winkler's study. Drawing on an abductive approach, the author examines the political conceptual system. "Soft Power" is treated as a case study in this research. S. Winkler proposes three criteria for studying the validity and legitimacy of concepts: the nature of interaction (feedback loops), reification or practical implementation, and the transfer of concepts ("travelling").

Keywords: theory, International Relations, political conceptual system, "soft power," concepts, S. Winkler.

Авторлар туралы мәліметтер:

Жакьянова А.М., философия докторы PhD, Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті, Алматы, Қазақстан, e-mail: zhakyanova.a@inbox.ru

Байсадахова И.У., әлеуметтік гуманитарлық ғылымдар магистрі, Алматы, Қазақстан e-mail: workbest@mail.ru

Information about the authors:

Zhakyanova A.M., Doctor of Philosophy PhD, Kazakh Ablai khan University of International Relations and World languages, Almaty, Kazakhstan, e-mail: zhakyanova.a@inbox.ru

Baisadakhova I.U., Master of Social and Human Sciences, Almaty, Kazakhstan, e-mail: workbest@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В БЕЛАРУСИ

Андрей Шидловский¹, Ригина Сысоева²

¹магистр юридических наук, преподаватель, Витебская духовная семинария, Витебск, Беларусь, +375 33 605-21-17, andrej09915@mail.ru

²PhD, постдокторант, Международный университет Астана, Астана, Казахстан, +7 777 001 74 89, dra.sysoyeva@outlook.com

Аннотация. Духовная культура оказывает непосредственное влияние на все сферы жизнедеятельности общества и государства, включая экономику и политику. Религиозные организации и государство в современной Беларуси находятся в состоянии диалога и сотрудничества, поэтому исследования проблем церковно-государственных правоотношений имеют большое практическое значение, не только культурологическо-философское, но и политико-правовое. Учитывая особую роль государства в определении набора правовых средств по взаимодействию с иными социальными институтами, важным является исследование правоотношений Церкви и государства в рамках предметного поля юридических наук. В настоящей статье анализируется правовой статус религиозных организаций Беларуси на основании республиканских и международных нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу. Основной акцент в работе сделан на исследовании первичных источников. Цель статьи – дать общий обзор правового положения религиозных организаций в одном из государств Евразии – Беларуси.

Ключевые слова: Беларусь, религиозные организации, правовое регулирование, духовная культура, церковь.

ВВЕДЕНИЕ

Вера и Церковь на протяжении многих столетий были и остаются сегодня важнейшим фактором сохранения и приумножения духовных и культурных ценностей, общественной стабильности, гражданского единства и мира на Земле. В течение веков религиозные нормы, наравне с обычаем, служили заменой правовым, регулируя самые широкие сферы общественной жизни. Между тем постепенно разграничиваются сферы влияния и компетенции обеих сторон. «Отдавайте кесарево кесарю, а Богу Божие» [1, с. 1062], – справедливо отмечает Господь Иисус Христос

искушающим Его фарисеям. Разграничение сфер приводит к доминированию государства в светских делах, а Церковь становится объектом государственного регулирования.

Религиозные организации на территории республики имеют более чем тысячелетний опыт взаимодействия с государственной властью, отмеченный в основном эффективным и обоюдновыгодным сотрудничеством. Периоды радикальных перемен и ярко выраженного обособления неизбежно влекли за собой негативные социальные процессы, конфронтацию и раскол общества. Но в то же время слияние церковных и государственных структур, слишком тесное их сотрудничество, (вспомним, хотя бы, синодальную эпоху в России) приводили к подмене функций, присущих каждому отдельному институту.

Исходя из сказанного, хотелось бы подчеркнуть наличие потребности современного государства и общества в выработке оптимальной модели правового регулирования отношений с таким значимым социальным институтом, как Церковь. Анализ современного белорусского законодательства в области вероисповедания способствует совершенствованию конфессиональной политики. Он также помогает определить приоритетные направления взаимодействия Церкви и государства.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье использованы общенаучные методы такие как системный и исторический анализ, абстрагирование и сравнение. Основной акцент в методологии сделан на первичном анализе нормативных правовых актов. Среди основных документов, которые были исследованы можно выделить следующие: Конституция Республики Беларусь; Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях», Кодекс Республики Беларусь об образовании; Кодекс Республики Беларусь о браке и семье; Закон Республики Беларусь «О массовых мероприятиях в Республике Беларусь»; Гражданский Кодекс Республики Беларусь и другие.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Международные принципы и нормы национального законодательства Республики Беларусь, регламентирующие правоотношения государства и религиозных организаций

Важнейшие характеристики конституционного строя содержит часть 1 статьи 1 Конституции: Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство [2].

В дополнение к этим, закрепленным в Основном Законе чертам, исследователи выделяют и такой признак, как светскость государства [3, с.71]. Светским, в определении Т.С. Масловской, является государство, в котором церковь отделена от государства, не существует государственной религии и ни одно из религиозных вероучений не признается обязательным [4, с.38]. Светскость государства, как религиозно-мировоззренческая беспристрастность, не будучи прямо прописанным в тексте Основного Закона признаком, вытекает из анализа норм Конституции и принятых на ее основе правовых актов. Так, статья 4 Конституции устанавливает, что демократия в Республики Беларусь осуществляется на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений. Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан [2].

Как устанавливает часть 1 статьи 6 Закона о свободе совести, религии и вероисповедания равны перед законом. Государство, согласно Закону о свободе совести, воздерживается от возложения на Церковь выполнения каких-либо государственных функций, не вмешивается в деятельность религиозных организаций [5].

Белорусская система образования не преследует цель сформировать определенное отношение к религии, нося, по существу, светский характер, что определено частью 1 статьи 9 Закона о свободе совести [5], а также пунктом 1.10 статьи 2 Кодекса Республики Беларусь об образовании (далее – КОО) [6].

Светский характер в Беларуси носит и правовое регулирование брачно-семейных отношений. Так, согласно статье 4 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КОБС), признается только брак, заключенный в органах, регистрирующих акты гражданского состояния. При этом, религиозные обряды, касающиеся вопросов брака и семьи, правового значения не имеют [7].

Однако светский характер белорусского государства не лишает Церковь признания со стороны властей и не исключает возможность формирования между ними разнородных правовых отношений. Как устанавливает часть 2 статьи 16 Конституции, взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа [2]. Законом, регулирующим данные правоотношения, является неоднократно упоминавшийся выше Закон о свободе совести и религиозных организациях. В преамбуле к Закону о свободе совести дается краткая характеристика основных религиозных направлений Беларуси с учетом их влияния на государственное строительство и общественные процессы. Отмечена, в частности, особая роль Православной Церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа; духовная, культурная и историческая роль Католической Церкви на территории Беларуси; неотделимость от общей истории народа Беларуси иудаизма и ислама [5].

Раскрывая, по сути, конституционное положение о возможности взаимодействия, часть 7 статьи 8 Закона о свободе совести определяет, что государство может строить свои взаимоотношения с религиозными объединениями путем заключения с ними соглашений в соответствии с гражданским законодательством Республики Беларусь [5]. Одним из основных направлений государственно-церковных отношений является забота о духовном и культурном наследии. Видимо, не случайно поэтому перед устанавливающей правовую основу взаимодействия Церкви и государства статьей 16 Конституции расположена статья 15, в которой само государство принимает на себя ответственность за сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республики Беларусь [2].

На построение равноправных и толерантных взаимоотношений не только между государством и Церковью, но и между самими религиозными организациями направлена и норма части 1 статьи 14 Конституции, устанавливающая их равенство перед законом, уважение прав и интересов социальных, национальных и других общностей. В развитие данного

конституционного положения часть 6 статьи 9 Закона о свободе совести обязывает государство способствовать установлению отношений терпимости и уважения между гражданами, исповедующими и не исповедующими религию, религиозными организациями различных вероисповеданий [5].

Часть 3 статьи 16 Конституции предусматривает также запрещение деятельности религиозных организаций, которая направлена против суверенитета Республики Беларусь, ее конституционного строя и гражданского согласия либо сопряжена с нарушением прав и свобод граждан [2]. В согласии с ней находится и часть 3 статьи 5 Конституции, запрещающая создание и деятельность общественных объединений, имеющих целью насильственное изменение конституционного строя либо ведущих пропаганду войны, социальной, национальной, религиозной и расовой вражды [2].

Таким образом, с одной стороны, выстраиваются правовые границы законной религиозной деятельности, а, с другой – открытыми, стабильными и прогнозируемыми становятся государственно-церковные взаимоотношения [8, с.235]. Данное конституционное положение находит свое развитие в нормах уголовного и административного права, обеспечивающих защиту государственных и общественных интересов в сфере свободы совести и вероисповеданий.

Как любая общественная организация Церковь представляет собой коллектив людей, а, значит, затрагиваются их права, интересы и свободы. Статья 31 Конституции, не определяя явно статуса Церкви либо характеристик ее взаимоотношений с государственной властью, делает нечто большее, а именно: устанавливая возможность для каждого самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом, фактически закладывает фундамент правосубъектности религиозных организаций. Права и свободы, предусмотренные в этой статье, не подлежат ограничению даже в период чрезвычайного положения [2].

Статья 22 Конституции устанавливает равенство всех перед законом и гарантирует равную защиту прав и законных интересов без всякой дискриминации. Представляется, что данное конституционное положение в полной мере применимо и по отношению к равенству граждан, независимо от их религиозного выбора.

Частью 3 статьи 21 Конституции далее гарантируется соблюдение прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных международными обязательствами государства. Таким образом декларируется обязательность норм международно-правовых документов, ратифицированных Республикой Беларусь.

К подобным нормам в сфере церковно-государственных отношений принадлежит, в частности, Статья 18 Всеобщей декларации прав человека (далее – Всеобщая декларация) [28], согласно которой каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; причем в это право включается и свобода менять свою религию или убеждения и свобода исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов [9].

Часть 2 статьи 26 Всеобщей декларации устанавливает, что образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам. Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами [9]. При осуществлении своих прав и свобод, согласно части 2 статьи 29 Всеобщей декларации, каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе [9].

Кроме того, часть 3 статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (далее – Пакт о социальных правах) [10], устанавливает, что участвующие в нем государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов выбирать для своих детей не только учрежденные

государственными властями школы, но и другие школы, отвечающие тому минимуму требований для образования, который может быть установлен или утвержден государством, и обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями [10]. Данная норма дает основание для организации и деятельности религиозных образовательных учреждений, а также учреждений, обеспечивающих получение светского образования, учредителями которых могут выступать в том числе и религиозные организации конкретной страны.

Статья 18 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – Пакт о гражданских правах) [11] утверждает право каждого человека на свободу мысли, совести и религии [11]. Причем это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отправлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учений. Как далее установлено Пактом о гражданских правах, никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц [11]. Участвующие в Пакте о гражданских правах государства обязуются уважать свободу родителей и иных законных представителей обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями.

Наконец отдельные нормы, касающиеся религиозного воспитания и образования ребенка, а также формирования отношения детей к религии и их участия в религиозной жизни, содержатся в Конвенции о правах ребенка (далее – Конвенция) [12]. Статья 14 Конвенции, обязывает Государства-участники к уважению права ребенка на свободу мысли, совести и религии. Одновременно, устанавливается, что государства – участники уважают права и обязанности родителей и в соответствующих случаях законных опекунов руководить ребенком в осуществлении его права методом,

согласующимся с развивающимися способностями ребенка [12]. При этом свобода исповедовать свою религию или веру может подвергаться только таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, нравственности и здоровья населения или защиты основных прав и свобод других лиц [12].

Как было сказано выше, непосредственная реализация конституционно-правовых положений осуществляется в рамках текущего законодательства, которое, согласно статье 2 Закона о свободе совести, основывается на Конституции Республики Беларусь и состоит из Закона о свободе совести и иных нормативных правовых актов Республики Беларусь [5].

Анализ положений Конституции в области свободы совести вероисповедания и религиозных организаций позволяет, таким образом, выделить основные принципы конституционно-правового регулирования деятельности Церкви и государственно-церковных взаимоотношений в Республики Беларусь. К ним можно отнести: 1) идеологический и религиозный плюрализм; 2) светский характер государства; 3) равенство религий и вероисповеданий перед законом; 4) законодательное регулирование церковно-государственных отношений; 5) учет влияния конкретной религиозной организации на формирование духовных, культурных и государственных традиций народа; 6) запрещение деятельности религиозных организаций, посягающих на суверенитет, конституционный строй, препятствующих реализации гражданских прав и обязанностей, а также наносящих вред здоровью и нравственности граждан; 7) признание за каждым гражданином права самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой (свобода совести); 8) право каждого гражданина выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом (свобода вероисповедания); 9) признание международно-правовых гарантий защиты прав на свободу совести и вероисповедания; 10) установление отношений терпимости и уважения между религиозными организациями различных

вероисповеданий; 11) Равноправие граждан, независимо от отношения к религии; 12) признание правосубъектности религиозных организаций как юридических лиц [15, с. 394].

Кроме норм, имеющих непосредственное отношение к деятельности религиозных организаций, ряд статей Основного Закона нашей страны содержит положения, косвенно затрагивающие правовой статус Церкви, в том числе в ее взаимоотношениях с государством. Так, часть 1 статьи 33 Конституции гарантирует каждому свободу мнений, убеждений и их свободное выражение. При этом отмечается, что никто не может быть принужден к выражению своих убеждений или отказу от них. Свобода собраний, уличных шествий, не нарушающих правопорядок и права других граждан Республики Беларусь, гарантируется статьей 35 Конституции. Порядок проведения данных мероприятий в конфессиональной сфере определяется Законом о свободе совести. Часть 1 статьи 36 Конституции, декларируя право на свободу объединений, являет одну из основ правового статуса религиозных объединений.

Выстроенный на конституционном фундаменте правовой механизм взаимоотношений государства и Церкви, направлен, таким образом, на поддержание традиций толерантности в межконфессиональных отношениях, обеспечивает право каждого гражданина на свободу совести и вероисповедания. Отношения государства и Церкви в Беларуси – это, на наш взгляд, отношения партнерства, равноправного и созидательного сотрудничества.

Содержание и динамика правоотношений государства и Церкви через анализ ее правового статуса.

Как отмечалось выше, возможность единолично или совместно с другими исповедовать любую религию, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом, закреплена в Основном Законе Республики Беларусь [2]. Правовое положение объединений, осуществляющих деятельность, направленную на удовлетворение религиозных потребностей верующих, определяется в Беларуси Законом о свободе совести и религиозных организациях.

Согласно статье 12 Закона о свободе совести под религиозной организацией понимается добровольное объединение граждан Республики Беларусь (религиозная община) или религиозных общин (религиозное объединение), объединившихся на основе общности их интересов для удовлетворения религиозных потребностей и распространении информации о вероучении, а также монастыри и монашеские общины, религиозные братства и сестричества, религиозные миссии, духовные учебные заведения [5]. Часть 2 статьи 13 Закона о свободе совести содержит дополнительные признаки, позволяющие отнести объединение граждан к религиозной организации. К ним относятся: вероисповедание; разработанная культовая практика; проведение богослужений; религиозное просвещение своих последователей.

Все религиозные организации являются некоммерческими, то есть извлечение прибыли и распределение ее между их участниками не может являться основной целью их деятельности. Согласно положениям части 2 пункта 1 статьи 117 ГК и статьи 35 Закона о свободе совести, являясь некоммерческими, они вправе осуществлять предпринимательскую деятельность лишь для достижения целей, ради которых они созданы, а также соответствующую этим целям [5].

Заметим, что в ГК отсутствует определение религиозной организации, что представляется определенным упущением законодателя. Объединение в рамках статьи 117 ГК понятий общественных и религиозных объединений (организаций) не дает возможности полноценно отразить особенности данных институтов как участников гражданского оборота.

Можно в связи с этим предложить выделение религиозной организации в отдельную статью ГК, сформулировав ее определение по образцу статьи 13 Закона о свободе совести с учетом некоммерческого характера деятельности такой организации.

Анализ содержания статьи 12 Закона о свободе совести позволяет выделить следующие виды религиозных организаций, действующих в Республики Беларусь: религиозные общины, религиозные объединения, монастыри, монашеские общины, религиозные братства и сестричества, религиозные миссии, духовные учебные заведения. Религиозной общиной, согласно статье 13 Закона о свободе совести, признается объединение в

пределах территории одного или нескольких населенных пунктов группы граждан Республики Беларусь, являющихся приверженцами единого вероисповедания, для совместного исповедания веры и удовлетворения иных религиозных потребностей [5]. Статья 14 Закона о свободе совести дает определение религиозному объединению как объединению религиозных общин единого вероисповедания для совместного удовлетворения религиозных потребностей их участников (членов) [5].

Что касается монастырей, монашеских общин, религиозных братств и сестричеств, религиозных миссий, духовных учебных заведений, то их легального определения законодатель не дает, то они, как следует из Закона, действуют на основании своих уставов, подлежащих государственной регистрации в порядке, установленном Законом.

Для создания религиозной общины требуется участие не менее 20-ти граждан Республики Беларусь, достигших восемнадцатилетнего возраста и постоянно проживающих в одном или нескольких населенных пунктах, имеющих смежные территориальные пределы (статья 13 Закона о свободе совести) [5]. А для создания религиозного объединения – не менее десяти религиозных общин единого вероисповедания, из которых хотя бы одна осуществляет свою деятельность на территории Республики Беларусь не менее тридцати лет (статья 14 Закона о свободе совести) [5].

Для государственной регистрации религиозной общины учредители подают в городской, районный исполнительные комитеты, местную администрацию по месту предполагаемой деятельности общины заявление о ее регистрации, подписанное всеми участниками (членами) этой общины. К заявлению прилагаются: список граждан, образовавших религиозную общину, с указанием фамилии, собственного имени, отчества, даты рождения, гражданства, места жительства, а также с личной подписью; устав религиозной общины в трех экземплярах; протокол собрания участников (членов); документ, подтверждающий право размещения религиозной общины по месту нахождения, указанному в уставе. Религиозная община, исповедующая вероучение, ранее неизвестное в Республики Беларусь, к заявлению прилагает также сведения об основах этого вероучения и соответствующей ему культовой практики, в том числе об истории возникновения религии, исповедуемой данной общиной, о

формах и методах ее деятельности, об отношении к браку и семье, образованию, исполнению государственных обязанностей, получению медицинской помощи последователями данной религии (статья 16 Закона о свободе совести) [5].

Требования к составу, содержанию и порядку представления таких сведений определены Постановлением Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении Положения о составе, содержании и порядке представления сведений при регистрации религиозной общины, исповедующей вероучение, ранее неизвестное в Республики Беларусь» [16]. По итогам рассмотрения предоставленных документов уполномоченный государственный орган принимает решение о регистрации религиозной организации, либо об отказе в регистрации по основаниям, указанным в статье 21 Закона о свободе совести, если создаваемая религиозная организация не соответствует требованиям, содержащимся в Законе о свободе совести; устав и другие представленные документы не соответствуют требованиям законодательства Республики Беларусь или сведения, содержащиеся в них, недостоверны; по итогам проведения государственной религиоведческой экспертизы, осуществляемой в случаях, установленных Закона о свободе совести; если нарушен порядок создания религиозной организации, установленный Законом о свободе совести [5].

В соответствии с Законом о свободе совести устанавливается порядок регистрации религиозных организаций. Религиозные общины регистрируются облисполкомами и Минским горисполкомом. Церковь имеет также право создавать монастыри и монашеские общины, религиозные братства и сестричества, и т.д., которые действуют на основании своих уставов и подлежат государственной регистрации в установленном порядке [5].

Кроме перечисленного, Церковь, в соответствии со своим уставом, имеет право создавать средства массовой информации в порядке и на условиях, установленных законодательством Республики Беларусь, приглашать иностранных граждан и лиц без гражданства в целях занятия религиозной деятельностью в соответствующих религиозных объединениях в порядке, установленном Советом Министров Республики Беларусь.

Зарегистрированная религиозная организация получает от регистрирующего органа свидетельство установленного образца о государственной регистрации религиозной организации [5].

Зарегистрированные религиозные организации включаются государством в специальные реестры, Государственный реестр религиозных организаций ведет Уполномоченный по делам религий и национальностей. Реестры религиозных организаций, зарегистрированных на соответствующей территории, ведут областные, Минский городской исполнительные комитеты. Сведения, включаемые в реестры религиозных организаций, в десятидневный срок передаются областными, Минским городским исполнительными комитетами Уполномоченному. Перечень сведений, подлежащих включению в Государственный реестр религиозных организаций, определяется Уполномоченным [5].

Религиозные организации действуют на основании устава, подлежащего утверждению их учредителями и органом управления религиозного объединения. Сведениями, подлежащими включению в устав являются: полное наименование, включающее указание на конфессиональную принадлежность данной религиозной организации; место нахождения религиозной организации; цели, задачи и основные формы деятельности; принадлежность к религиозному объединению (для религиозных общин, входящих в религиозное объединение, и религиозных организаций, образуемых религиозными объединениями); территория деятельности; структура организации, органы ее управления, порядок их формирования, компетенция, состав и сроки полномочий; источники и порядок формирования денежных средств и иного имущества организации; орган, правомочный принимать решения о приобретении имущества и распоряжении имуществом религиозной организации; порядок ликвидации и реорганизации религиозной организации; порядок распоряжения имуществом, оставшимся после расчетов с кредиторами, в случае ликвидации религиозной организации; порядок внесения изменений и дополнений в устав; иные сведения, относящиеся к особенностям деятельности данной религиозной организации [5].

В соответствии со статьей 20 Закона о свободе совести, изменения и дополнения, внесенные в уставы религиозных организаций, подлежат

государственной регистрации в порядке, установленном для регистрации религиозных организаций, и вступают в силу со дня их государственной регистрации. В случае изменения данных, содержащихся в Государственном реестре религиозных организаций, религиозная организация в месячный срок со дня внесения такого изменения уведомляет об этом регистрирующий орган [5].

Законодательно предусмотрены и основания для ликвидации религиозной организации, которая может быть ликвидирована по решению ее учредителей или органа, уполномоченного уставом религиозной организации; по решению суда в случаях: повторного в течение года нарушения Закона о свободе совести, иного законодательства Республики Беларусь либо осуществления религиозной организацией деятельности, противоречащей ее уставу; осуществления пропаганды войны или экстремистской деятельности; осуществления деятельности, сопряженной с нарушением прав, свобод и законных интересов граждан, а также препятствующей исполнению гражданами их государственных, общественных, семейных обязанностей или причиняющей вред их здоровью и нравственности; в иных случаях, предусмотренных законодательными актами (статья 23 Закона о свободе совести) [5].

Имущественные последствия ликвидации религиозной организации определены статьей 36 Закона о свободе совести. Физическим и юридическим лицам возвращается имущество, предоставленное ими в пользование религиозной организации. Распоряжение прочим, находившимся в их собственности имуществом, осуществляется в соответствии с их уставами и законодательством, при этом на имущество культового назначения, находящееся в собственности религиозных организаций, взыскание по претензиям кредиторов не может быть обращено.

Основной целью деятельности религиозных организаций, как устанавливает Закон о свободе совести, является удовлетворение религиозных потребностей их участников. Поэтому естественным предстает закрепление в рамках статьи 25 Закона о свободе совести свободы богослужebной деятельности Церкви. В соответствии с этим принципом Церкви предоставляется возможность беспрепятственного совершения

богослужений, религиозных обрядов, ритуалов и церемоний в пределах культовых зданий, сооружений и на относящихся к ним территориях, в иных местах, предоставленных религиозным организациям для этих целей, а также в местах паломничества, на кладбищах и в крематориях.

При необходимости с соблюдением правил общежития и общественного порядка религиозные обряды, ритуалы и церемонии могут проводиться по месту жительства граждан, в организациях здравоохранения, местах предварительного заключения и отбывания наказания. Обеспечение прав находящихся в них граждан на свободу совести и вероисповедания не должно причинять вреда их здоровью, ущемлять права и законные интересы других лиц. Возможность совершения богослужений, религиозных обрядов, ритуалов и церемоний военнослужащими регулируется законодательством о воинской службе. Совершение массовых религиозных обрядов в специально не предназначенных для этих целей местах под открытым небом и в помещениях допускается с разрешения руководителя местного исполнительного и распорядительного органа или его заместителя[5].

Одной из составляющих религиозной деятельности является, далее, необходимость обеспечения богослужений религиозной литературой и предметами религиозного назначения. Статья 27 Закона о свободе совести закрепляет правомочие религиозных организаций на производство, приобретение, вывоз из Республики Беларусь, ввоз в Республику Беларусь и распространение религиозной литературы, печатных, аудио- и видеоматериалов, других предметов религиозного назначения. Ввоз в Республику Беларусь религиозной литературы, печатных, аудио- и видеоматериалов, передача религиозной литературы в библиотечные фонды осуществляются лишь после проведения государственной религиоведческой экспертизы [5].

Неотъемлемой частью социального образа Церкви, бесспорно, является благотворительность, поэтому логичным предстает закрепление в статье 29 Закона о свободе совести полномочий религиозных организаций на осуществление благотворительной деятельности в порядке, установленном законодательством, а также на создание детских домов при монастырях и церковных учреждений социальной защиты населения.

Статьей 30 Закона о свободе совести религиозным организациям дано право создания средств массовой информации, в порядке и на условиях, установленных законодательством.

Необходимость подготовки квалифицированных кадров священно- и церковнослужителей обуславливает деятельность духовных учебных заведений, которые создаются религиозными объединениями в соответствии с их внутренними уставами. Правовой статус обучающихся там лиц приравнивается к статусу студентов государственных учебных заведений.

Признание Церкви субъектом права с соответствующими последствиями, естественно, влечет и признание за ней права устанавливать и поддерживать международные связи и контакты, в том числе в целях паломничества, участия в собраниях и других мероприятиях, для получения религиозного образования, а также приглашать для этих целей иностранных граждан и лиц без гражданства [5].

В целях осуществления уставной деятельности религиозная организация наделяется правом собственности на имущество, приобретенное или созданное за счет собственных средств, пожертвованное физическими или юридическими лицами, переданное в собственность государством либо приобретенное другим способом, не противоречащим законодательству Республики Беларусь.

Законодатель закрепляет за религиозной организацией и право на передачу ей от государства земельных участков, недвижимого имущества, в порядке определенном нормативными актами. Имущество, находящееся в собственности других юридических и физических лиц, может использоваться религиозными организациями на условиях заключаемых в рамках гражданского законодательства договоров.

ВЫВОДЫ

Государство и религиозные организации имеют давнюю историю сосуществования и богатый опыт отношений. В истории и современной практике можно выделить такие модели правоотношений рассматриваемых институтов, как Церковь вне закона (когда религиозная организация подвергается полному государственному запрету), симфония Церкви и государства (означающая тесное сотрудничество в сочетании с

отсутствием вмешательства одной стороны в сферу исключительной компетенции другой), средневековая теократия (как безраздельное господство Церкви в духовных и светских делах), государственная церковность протестантских стран (когда положение религиозных организаций целиком зависело от покровительствующей им светской власти), отделение Церкви от государства (когда религиозная организация полностью исключается из сферы светских отношений) и, наконец, придание Церкви статуса корпорации публичного права (как закрепление исторической роли отдельных религиозных организаций и ряда их особых прав при светском, в целом, характере государства) [28].

В Республики Беларусь на современном этапе, сложилась модель отделения Церкви от государства, в сочетании светского характера государства с полноценным сотрудничеством в сферах, заключающих интересы обоих институтов. Важнейшим правовым принципом сложившейся системы отношений является признание права каждого на свободу совести и вероисповедания, из которого следуют и другие теоретико-правовые принципы рассматриваемых правоотношений: 1) соблюдение как Церковью, так и государством прав граждан на свободу совести и вероисповедания; 2) государственное санкционирование при создании и деятельности религиозных организаций; 3) право каждого открыто выражать свою религиозную позицию, при возможности для государства ограничивать, в необходимых случаях, публичную проповедь в целях охраны общественной безопасности, нравственности и традиционных ценностей; 4) обладание зарегистрированной религиозной организацией статусом юридического лица с соответствующей правосубъектностью; 5) возможность сотрудничества государства и Церкви ради общественного блага, при учете историко-культурной роли конфессий; разделение сфер компетенции государства и Церкви; 6) светскость государства и т.д.

Конституция Беларуси содержит ряд положений, определяющих характер отношений, складывающихся у религиозных организаций с государством. К ним на основе анализа положений Основного Закона, можно отнести: религиозное многообразие; светский характер государства; равенство религий и вероисповеданий перед законом; законодательное

регулирование церковно-государственных отношений, с учетом влияния конкретной религиозной организации на формирование традиций народа; запрещение противоправной деятельности; признание права на свободу совести и вероисповедания; международно-правовые гарантии защиты религиозных прав; установление отношений терпимости и уважения между религиозными организациями; равноправие граждан, независимо от отношения к религии; признание зарегистрированных религиозных организаций юридическими лицами.

В конечном счете, объектом правоотношений является реализация конституционных прав граждан и религиозных организаций, составляющих правовой институт свободы совести и вероисповедания. Именно указанные права, а также сопутствующие и корреспондирующие им обязанности составляют содержание правоотношений.

К основным положениям, составляющим правовой фундамент реализации прав на свободу совести и вероисповедания каждым человеком, согласно тексту Конституции, относятся: 1) равенство перед законом каждого лица, независимо от отношения к вопросам веры и реализованного мировоззренческого выбора; 2) наличие законодательных гарантий соблюдения права на свободу совести; 3) защита человека и общества от противоправных посягательств в конфессиональной сфере; 4) свобода мнений, убеждений и их свободное выражение; 5) запрет на принуждение к определенному мировоззрению либо к отказу от такового; 6) предоставление убежища лицам, преследуемым в других государствах за религиозные убеждения; 7) право самостоятельно определять свое отношение к религии; 8) право выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии; 9) право участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом; 10) необходимость уважения достоинства, прав, свобод и законных интересов других лиц, 11) бережное отношение к историко-культурному, духовному наследию. Именно указанные принципы, составляя ядро правового института свободы совести, определяют возможности каждого человека на реализацию самостоятельного мировоззренческого выбора, ограничивая его исключительно в целях обеспечения конституционного правопорядка,

защиты прав, свобод и законных интересов каждого из членов белорусского общества.

Благодарность. Статья подготовлена по результатам исследований, финансируемых Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP13268711 «Евразийский Экономический Союз: достижения и препятствия на пути к созданию регионального сообщества безопасности»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Библия. – Москва: Издание Российского Библейского общества, 2007. – 1496 с.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах по состоянию на 24.10.2024) //Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 24.10.2024.
3. Сажина, В.В. Историко-теоретический подход к анализу понятия «конституционный строй» в Республики Беларусь / В.В. Сажина // Право.by. – 2015. – №2 (34). – с.71.
4. Масловская, Т.С. Конституционное право Республики Беларусь: ответы на экзаменационные вопросы / Т.С. Масловская – 4-е издание, переработанное – Минск: ТетраСистемс, 2012. – 224 с.
5. О свободе совести и религиозных организациях: Закон Республики Беларусь с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.10.2024 года//Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 24.10.2024.
6. Кодекс Республики Беларусь об образовании: Закон Республики Беларусь с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.10.2024 года // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.

7. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: Закон Республики Беларусь с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.10.2024 года // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.

8. Михеев, В.М. Идеология: размышления и выводы / В.М. Михеев. – Минск: ОДО «Тонпик», 2004. – 316 с.: иллюстрации.

9. Всеобщая декларация прав человека: Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1948 года // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.

10. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.

11. Международный пакт о гражданских и политических правах // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.

12. Конвенция о правах ребенка: Принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения резолюцией 44/25 от 20 ноября 1989 года // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.

13. О структуре Правительства Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.10.2024 года // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.

14. Об утверждении Положения об Уполномоченном по делам религий и национальностей и его аппарате: Постановление Совета Министров Республики Беларусь с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.10.2024 года // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.

15. Шидловский, А.Е. Взаимоотношения церкви и государства как объект юридической науки / А.Е. Шидловский // Теоретико-методологические и прикладные аспекты государственного управления: материалы XXI Респ. науч.-практ. конф. молодых ученых и студентов, Минск, 31 марта 2017 г. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь; редкол.: Т.М. Братенкова [и др.]; под общ. ред. канд. экон. наук, доц. В.В. Мацкевича. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2017. – 413 с.

16. Об утверждении Положения о составе, содержании и порядке представления сведений при регистрации религиозной общины, исповедующей вероучение, ранее неизвестное в Республики Беларусь: Постановление Совета Министров Республики Беларусь с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.10.2024 года // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.

17. Уголовный Кодекс Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.10.2024 года // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.

18. Свобода совести в Беларуси в 2015-2016 годах: новые тренды [Электронный ресурс]: Сайт «Форум релігійнай свабоды» Режим доступа: <http://forb.by/node/681>. Дата доступа: 24.10.2024 г.

19. Чичерин, Б.Н. Курс государственной науки: в 3 томах. / Б.Н. Чичерин. – Москва: типография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1894. – Том 1: Общее государственное право. – 241 с.

20. Цыпин, Владислав, протоиерей Каноническое право / Протоиерей Владислав Цыпин.- Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2009. – 864 с.

21. Конвенция о правах ребенка: Принята и открыта для подписания, ратификации и присоединения резолюцией 44/25 от 20 ноября 1989 года // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.

22. О прокуратуре Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.10.2024 года //

Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.

23. О государственной службе в Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.10.2024 года // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.

24. Соглашение между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью [Электронный ресурс]: Сайт Белорусской Православной Церкви. Режим доступа: <http://exarchate.by/resource/Dir0009/Dir0015/>. Дата доступа: 20.02.2016 г.

25. Об утверждении Положения о порядке, условиях, содержании и формах взаимодействия учреждений образования с религиозными организациями в вопросах воспитания обучающихся: Постановление Совета Министров Республики Беларусь с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.10.2024 года // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.

26. О массовых мероприятиях в Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.10.2024 года // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.

27. Гражданский Кодекс Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь с изменениями и дополнениями по состоянию на 24.10.2024 года // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2024.

28. Шидловский, А.Е. Модели взаимодействия Церкви и государства в историческом прошлом Беларуси и мира / А.Е. Шидловский // Верховенство права: человек в государстве: сб. научных ст., докладов аспирантов, студентов - участников Междунар. очно-заочной науч.-практ. конф., 20 апреля 2017 г. : в 2 ч. : Ч. 2 [Электронное издание] / науч. ред. Е. В. Федорова; Ижевский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). - Электрон., текстовые данные (3,2 Мб). - Ижевск: Ижевский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2017. - Научное электронное издание: 1 электр., опт. диск (CD-ROM).

БЕЛАРУССИЯДАҒЫ МЕМЛЕКЕТ ПЕН ДІНИ ҰЙЫМДАРДЫҢ ҚАТЫНАСТАРЫН ҚҰҚЫҚТЫҚ РЕТТЕУ

Аннотация. Рухани мәдениет қоғам мен мемлекет өмірінің барлық салаларына, соның ішінде экономика мен саясатқа тікелей әсер етеді. Қазіргі Беларусьтағы діни ұйымдар мен мемлекет диалог пен ынтымақтастық жағдайында, сондықтан шіркеу-мемлекеттік құқықтық қатынастар мәселелерін зерттеу мәдени-философиялық қана емес, сонымен бірге саяси-құқықтық тұрғыдан да үлкен практикалық маңызға ие. Басқа әлеуметтік институттармен өзара іс-қимыл бойынша құқықтық құралдар жиынтығын анықтаудағы мемлекеттің ерекше ролін ескере отырып, заң ғылымдарының пәндік саласы шеңберіндегі шіркеу мен мемлекеттің құқықтық қатынастарын зерттеу маңызды болып табылады. Осы бапта осы саланы реттейтін республикалық және халықаралық нормативтік құқықтық актілер негізінде Беларусьтің діни ұйымдарының құқықтық мәртебесі талданады. Жұмыстағы басты назар бастапқы көздерді зерттеуге аударылады. Мақаланың мақсаты – Еуразия-Беларусь мемлекеттерінің біріндегі діни ұйымдардың құқықтық жағдайына жалпы шолу жасау.

Түйінді сөздер: Беларусь, діни ұйымдар, құқықтық реттеу, рухани мәдениет, шіркеу.

LEGAL REGULATION OF RELATIONS BETWEEN THE STATE AND RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN BELARUS

Abstract. Spiritual culture has a direct impact on all spheres of life of society and the state, including economics and politics. Religious organizations and the state in modern Belarus are in a state of dialogue and cooperation, therefore, research on the problems of church-state legal relations is of great practical importance, not only culturological and philosophical, but also political and legal. Given the special role of the state in determining the set of legal means for interaction with other social institutions, it is important to study the legal relations of the Church and the state within the framework of the subject field of legal sciences. This article analyzes the legal status of religious organizations in Belarus on the basis of national and international normative legal acts regulating this area. The main focus of the work is on the study of primary sources. The purpose of the article is to give a general overview of the legal status of religious organizations in Belarus, one of the Eurasian states.

Keywords: Belarus, religious organizations, legal regulation, spiritual culture, church.

Автор туралы мәлімет:

Андрей Шидловский, заң ғылымдарының магистрі, оқытушы, Витебск теологиялық семинариясы, Витебск, Беларусь, +375 33 605-21-17, andrej09915@mail.ru

Ригина Сысоева, PhD, постдокторант, Астана Халықаралық университеті, Астана, Қазақстан, +7 777 001 74 89, dra.syssoyeva@outlook.com

Information about the author:

Andrei Shydouski, Master of Law, Lecturer, Vitebsk Theological Seminary, Vitebsk, Belarus, +375 33 605-21-17, andrej09915@mail.ru

Rigina Syssoyeva, PhD, postdoc fellow, Astana International University, Astana, Kazakhstan, +7 777 001 74 89, dra.syssoyeva@outlook.com

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНОГО И ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ФАКТОРОВ НА ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ЗАРОЖДЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАЗАХСКОГО НАРОДА

Г.К. Асанова

Кандидат исторических наук (PhD), ассоциированный профессор, Astana International University, Астана, Республика Казахстан), <https://orcid.org/0009-0008-5404-8313>. e-mail: agk569@mail.ru

Аннотация. В современных условиях интеграционные процессы, происходящие в истории и географии, ставят на очередь необходимость концептуального осмысления взаимосвязей природы и человеческого общества. Этнос неразрывно связан с ландшафтной зоной, в которой возникает и развивается. При изучении истории какого-либо народа, ключевым фактором, силой, которая держит в своих руках колыбель каждого народа, является природа страны. Влияние природно-климатического и географического факторов на специфику истории отмечали практически все исследователи своеобразия исторического процесса. Географический ландшафт, где сложился и развивался этнос, в определенной мере влияет на появление и функционирование различных форм политической организации и социального устройства. Цель исследования – рассмотреть влияние географического фактора на этнополитические процессы в степи, а также исторические процессы зарождения и особенности государственности казахов. В статье на основе исторических материалов и с помощью концепции географического детерминизма, показано влияние природно-климатических и географических факторов на политическую организацию и социальное устройство государства, а также на духовную жизнь человека и нации, в целом.

Ключевые слова: Казахское ханство, казахи, этнополитическая история, история Казахстана, государственность, период вторая половина XV - первая половина XVIII вв, географический фактор.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из актуальных направлений современной исторической науки Казахстана является фундаментальная разработка этнополитической истории и исследование этнообразующих процессов как на территории Казахстана, так и в плане выявления общих закономерностей

этнополитических процессов Евразии, а также разработка теоретических вопросов истории казахской государственности на различных этапах исторического развития. Особенно важно осмысление истории казахского этноса в общем потоке всемирной истории и его собственного опыта социально-политической и культурной адаптации к среде обитания. Возникнув в определенном, приемлемом для его жизнедеятельности ландшафте, этнос вырабатывает свою систему правил поведения. Постепенно складываются его обычаи, язык, культура, религия, система социального устройства и политической организации. Английский историк Арнольд Тойнби, разрабатывая цивилизационную концепцию, утверждал, что любая страна, политический союз и т. д., должны рассматриваться не сами по себе, а исходя из «исторического контекста». В данном контексте следует отметить, что географический ландшафт, где сложился и развивался казахский этнос, в определенной мере повлиял на появление и функционирование различных форм этнополитической организации и социального устройства казахского народа. В этой связи, Л.Н.Гумилев отмечал «...антропосфера мозаична. Мозаика состоит из этносов, которые в течение веков и тысячелетий привыкают к тем или иным условиям. Но мало этого, они создают себе особые формы существования и формы общежития...». Так, в географических условиях проявляется этническое многообразие (Гумилев, 2002: 11).

Опыт изучения истории государств и обществ, показывает научную значимость исследования природно-климатических и географических факторов в развитии и жизнедеятельности казахского этноса и их роли в формировании особых форм жизнедеятельности. «В силу ряда объективных причин именно анализ культурно-бытовых реалий кочевников-казахов, является тем ключом, с помощью которого может быть обеспечено познание и всестороннее исследование механизма функционирования системы «общество — природа». (Масанов,1995:4). , Следует отметить, что , в целом вопросы влияния природных и географических условий на формирование форм социально-политической организации общества являются малоизученными в отечественной исторической науке, хотя ее так или иначе освещали отдельные авторы.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для достижения цели исследования были использованы как общенаучные, так и специальные исторические методы, в том числе: историзма, аналитический, сравнительно-исторический, методы обобщения и аналогии позволили выявить как общие, так и специфические черты этнополитической организации и социального устройства казахского народа, способствовали разграничению общего и частного. Историко-типологический метод способствовал систематизации.

В качестве источников привлечены специальные научные труды европейских, российских и казахстанских исследователей, теоретико-обобщающие труды, научные статьи, представляющие важное методологическое значение, в том числе, имеют труды ряда исследователей, в которых глубоко обосновывается мысль об интегральной целостности и взаимной обусловленности природы и общества в историческом развитии человечества (Л.Н. Гумилев, В.И. Вернадский, Ю.В. Бромлей). Влияние природно-климатического и географического факторов на специфику истории отмечали практически все исследователи своеобразия исторического процесса.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Всесторонний анализ влияния географического фактора на исторические процессы развития различных обществ является актуальной задачей научных поисков, связанных с изучением этнополитических особенностей истории различных этносов и народов. Исторические процессы развития различных обществ, уровень их социокультурного развития обусловлены прежде всего, взаимодействием природно-климатических и социально-экономических условий, поскольку географическая среда влияет формы жизнедеятельности общества. «Различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются, поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам» (Маркс, 1960: 364).

Впервые вопрос о роли географического фактора в развитии общества был поставлен в Древней Греции (Геродот, Гиппократ, Страбон, Полибий). Безусловно, в условиях сильной зависимости человека от природной среды, они считали, что природная среда определяет жизнь людей, их культуру,

историю и т.п. Идеи географического детерминизма вновь получили развитие в XVI веке. В вышедшей в свет знаменитой книге Жана Бодена «Метод облегченного изучения истории», автор не только обуславливает особенности народов климатическими и географическими условиями, но и обосновывает влияние этих факторов на социально-политическое устройство государств (Боден, 2000). В дальнейшем, эти идеи получили развитие в воззрениях многих европейских мыслителей, и особенно на взгляде Шарля Монтескье (Монтескье, URL). Видные мыслители XVII -XVIII вв. Боден, Монтескье и Гердер утверждали, что все проявления человеческой деятельности - в том числе культура, психологический склад, форма правления и т.п.- определяются природой стран, населенных разными народами. Впоследствии, созданное Марксом учение о роли географического фактора в развитии общества объясняло, что неравномерность развития различных государств определяется тем, что общество на различных этапах своего развития по-разному использует естественные природные богатства» (Маркс, 1960).

Географический детерминизм в истории прошел длительную эволюцию - от наивного стихийного материализма до достаточно сложных историко-философских построений и геополитических концепций. Даже у Даля мы читаем такое определение народа: «люди, народившиеся на известном пространстве» (Даль, 2012: URL). Ему отдали дань многие выдающиеся ученые прошлого, в том числе крупнейшие ученые - С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, П.Н. Милюков, Г.В.Вернадский, Л.Н.Гумилев и другие. В частности, одним из центральных понятий в «Начертании русской истории» Г.В.Вернадского, является месторазвитие, то есть географическая среда, которая «налагает печать своих особенностей на человеческие общезжития, развивающиеся в этой среде» (Вернадский, 2002:13). Л.Н. Гумилев отмечал, что этнос – явление географическое, всегда связанное с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос. А поскольку ландшафты земли разнообразны, разнообразны и этносы (Гумилев, 2002: 35).

Не связывая особенности культурно-исторического развития в зависимости от природных и географических условий, исследовали различные стороны хозяйственно-бытовой жизни кочевников-казахов,

дореволюционные русские историки XVIII - начала XIX вв. (Рычков, 1762; Он же, 1896; Паллас, 1773; Георги, 1799; Андреев, 1795—1796; Спасский, 1820; Броневский, 1830; Левшин, 1832, Мейер, 1865; Потанин, 1867 и др.).

В советской историография характеризовалась утверждением «географического нигилизма», отрицавшего учет природного и географического фактора в общественном развитии, и исключавшего его из сферы исследования. Несмотря на господство в советской историографии европоцентристского подхода к изучению кочевой цивилизации и государственности, плодотворная работа проводилась казахстанскими историками, этнографами и государствоведами. Эти труды посвящены проблемам этногенеза и этнической истории казахов, истории кочевой цивилизации, поскольку это и есть истоки нашей истории и государственности. Среди них исследования С.З. Зиманова, В.Ф. Шахматова, С.Е. Толыбекова, Э.А. Масанова, Н.Э. Масанова, Ж.О. Артыкбаева и др. (Зиманов и др.).

В целом, географический фактор в современной отечественной историографии представлен явно недостаточно, в основном лишь в связи с изучением тех или иных сторон хозяйства кочевников. Однако, взаимосвязь его общественно-политическими процессами не стал предметом специального исследования. Ныне, в условиях повышения интереса к цивилизационному подходу и роли психологии человека в жизнедеятельности общества, вновь возрос интерес к географическому детерминизму.

ВЛИЯНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ НА ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ЗАРОЖДЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КАЗАХОВ

С течением времени между народом и территорией, на которой он проживает, возникает устойчивая взаимосвязь, и по мере дальнейшего развития, географическая среда формирует культурно-этнический характер данного народа. Географическая среда, в которой жили казахи обусловила формирование казахской национально-географической общности, в которой нашли свое выражение определённые черты всех предшествующих эпох этногенеза. Поэтому исторически сложившаяся казахская (кочевая) цивилизация сформировала так называемый «дух нации». Так, например,

ибн-Батута сообщает о кочевниках Дашт-и Кьпчака: «Дешт... на тюркском языке значит степь. Степь эта зеленая, цветущая, (но) нет на ней ни дерева, ни горы, ни холма, ни подъема...» (Сборник материалов, 1941: 279). Объединитель всех кочевых казахских племен Касым-хан, дал точную характеристику казахскому этносу: «Мы - жители степи; у нас нет ни редких, ни дорогих вещей, ни товаров, главное наше богатство состоит в лошадях; мясо и кожа их служат нам лучшею пищею и одеждою, а приятнейший напиток для нас - молоко их и то, что из него готовится, в земле нашей нет ни садов, ни зданий; место наших развлечений - пастбища скота и табуны коней, и мы ходим к табунам любоваться зрелищем коней» (Материалы по истории казахских ханств, 1969: 226]. Причем, Яса Чингис-хана, ставшая идеологической доктриной всех кочевников Евразии, запрещала переход номадов на оседлость (Бартольд, 1968: 173).

В XVI - XVII вв. в основном завершился процесс формирования казахского этноса и ее этнической территории, фактически пределах современной территории Казахстана. Сведения по этому вопросу основаны на архивных материалах, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве СССР (ЦГИА СССР), Центральном государственном военно-историческом архиве СССР (ЦГВИА СССР), Архиве внешней политики России (АВПР), Центральном государственном архиве Казахской ССР (ЦГА КазССР). Это сообщения и письменные документы, исходившие от ханов, султанов, биев и батыров, а также русских чиновников, многие из которых знали казахский язык (Муқанов, 1991: 4).

В казахских степях образовалось объединенное и организованное государственное целое. Огромные пространства легко давались казахскому народу, но не легко давалась ему организация этих пространств в государство, поддержание и охранение порядка в нем. На это ушла большая часть усилий казахских ханов и сил казахского народа. Интерес представляют сведения, представленные А.И. Левшиным о территории казахов. «Должно, впрочем, думать, что пограничные жители новых владений русских и купцы наши имели с ними в то время довольно частые сношения, и приобрели о земле их достоверные сведения, ибо в книге «Большому чертежу», которая, по основательным доводам Карамзина

должна быть написана в царствование Феодора Иоанновича, говорится о многих урочищах земель казачьей орды очень подробно». Также А.И. Левшин приводит описание огромных степных пространств, составлявших «киргиз-казачьи степи» и утверждает, что в начале XVII столетия киргиз-казаки были властителями Туркестана и город был местом постоянного пребывания казахских ханов (Левшин, 1996: 159). Труд А.И. Левшина «Описание киргиз - казачьих, или киргиз - кайсацких, орд и степей», содержит географический обзор казахского края, для написания которого автор использовал данные геодезических, топографических и гидрографических обследований степей, проведенных русскими естествоиспытателями и инженерами в первые два десятилетия XIX века. Под термином «киргиз-казачья степь» он понимал огромное пространство, заключенное между реками Уил, Урал, Тобол и Иртыш с северной стороны, Каспийским и Аральским морем на юго-западе, и на востоке – Алтайским хребтом и Цинской империей. Представленный географический обзор ученый сопровождал «Картой земель, принадлежавших киргиз-казакам, и Туркестана», составленной им в 1831 году на основе новейших нарративных и картографических материалов (Ерофеева, 1996: 579). «Сколь ни были различны поколения, составившие нынешние киргиз - казачьи орды, но они все, наконец, слились в один народ, живший в одном месте и имевший общего начальника, или повелителя. Язык, религия, образ жизни, нравы служат тому доказательством» (Левшин, 1996: 288-289).

Исходя из современных данных, Казахстан занимает территорию 2 млн 724,9 тыс квадратных километров, находится на девятом месте по площади в мире. Казахстан не имеет прямого выхода в Мировой океан, преобладающую часть территории страны составляют пустыни – 44% и полупустыни – 14%. Степи занимают 26% площади Казахстана, леса – 5,5% (Электронный ресурс). Исторически сложившееся географическое положение обусловило особенность этнополитической организации казахов - теллуократическую цивилизацию (теллуократия), которая характеризуется как власть на территории суши, т.е. тип цивилизации или государственного устройства, который чётко связан с освоением суши и установлением власти на суше. Теллуократические государства обладают определённой территорией с проживающим на ней

государствообразующим этносом, вокруг которого и происходит дальнейшая экспансия (Электронный ресурс).

В связи с особенностями географического ландшафта, наличием огромных степных пространств и проблемой управления ими, сложилась специфическая государственная система власти и управления казахского народа, важным признаком этой системы улусная система (разделение на жузы), которая появилась именно тогда, когда завершился процесс образования Казахского ханства и установления его пространственных пределов (XVII век). Эта улусная система управления брала свои истоки еще со времен Чингиз-хана, который еще при жизни выделил своих трех старших сыновей, назначив каждому из них удел (инджу), т. е. определенное количество кочевых орд (улус), обязанных поставлять военные отряды, и достаточное для их содержания пространство земли (юрт). Границы юртов были определены только в самых общих чертах. (Бартольд, 1947: 42-44).

Наличие бескрайних просторов пустынь, равнин и степей, отсутствие и открытость естественных границ, удаленность от важных мировых цивилизационных центров делали границы уязвимыми для захватчиков, создавали постоянную угрозу военных вторжений и требовали от казахского народа колоссальных усилий по обеспечению своей безопасности. Расположенность между Европой и Азией делала государство казахов открытой для влияния как с Запада, так и с Востока. Однако активное вторжение Востока (джунгаров) с целью захвата земель вынудило казахов повернуть в сторону Запада, что представлялось меньшим злом. Перед казахами извечно стояла проблема такого выбора союзников, который бы позволил выжить, сохранив свою самобытность. Положение «на стыке» предопределило формирование характерной для казахов психологии окруженности, заставлявшей их строить любой ценой систему обороны «по всем азимутам». Из этих же оснований, можно видеть роль городов. Если в других государствах города чаще всего возникали как поселения вокруг мест для торга, а население городов были вольные самостоятельные деятели, то в казахских степях города чаще всего возникали как оборонные или административные центры. Благоприятный для истории Казахстана фактор – через ее территорию проходила

значительная часть «великого шелкового пути» из Китая в Европу. Данное обстоятельство создавало объективную заинтересованность многих стран и народов в поддержании политической стабильности вдоль этой великой магистрали древности.

Характерной особенностью Казахстана является обилие полноводных рек, которые почти переплетаются между собою и составляют, таким образом, по всей стране водную сеть, из которой народонаселению трудно было высвободиться для особой жизни; как везде, так и у нас реки служили проводниками первому народонаселению, по ним сели племена, по ним появились первые города. Их течением условилось расселение родов, жузов, и преимущественное распространение государственной власти. Традиционно по рекам происходило и расселение казахских родов, основание жузов, и освоение новых территорий; бассейны рек служили в известной степени, главным формирующим моментом не только в образовании земной поверхности, но и в ходе культурного и этнического процессов человеческой истории. В то же время нельзя воспринимать реки только как естественный рубеж между территориями. Значительно более важно то, что реки выступают необходимым условием жизни и хозяйствования. Не случайно, поэтому, казахские жузы исторически создавались в бассейнах рек. Так, например территория Казахского ханства неоднократно меняла свои очертания под влиянием главным образом внешнеполитических событий, но почти всегда в пределах расселения казахского этноса - от Иртыша и Каратала до Сырдарьи и Урала (Жаика), от Алтая и Тянь-Шаня до Каспия и Арала.

Бескрайние казахские степи предопределили преимущественно экстенсивный характер экономики, ориентацию на самообеспечение. Большая зависимость экономических результатов хозяйства и благополучия населения от природно-климатических условий предопределила родовой (общинный) уклад жизни, низкую производительность, нищету основной массы населения, бедность государства. Казахи, в отличие от многих других народов, не были зажаты морями, непроходимыми горными массивами, другими нациями и могли свободно осваивать новые территории. Такая географическая причина обусловила факт, что у казахов сложилась экстенсивная цивилизационная

модель, в отличие от, например, европейцев или японцев, которые, в силу географии места обитания, были вынуждены развиваться интенсивно. Экстенсивный характер кочевого скотоводства и земледелия, его рискованность сыграли немалую роль в выработке в казахском человеке легкости к перемене мест, стремлению к расширению пространства, этнической безграничности, обусловленные бескрайними степными пространствами. На всем протяжении своей истории казахи предпочитали не бороться против угнетения, а убегать от него в труднодоступные районы, чем безусловно, способствовали консервации наиболее отсталых форм быта и хозяйствования.

Географические условия Казахстана, характеризующиеся повышенной величиной солнечной радиации, засушливостью и резко выраженной аридностью, континентальностью, посезонной дифференциацией климата, его многолетней изменчивостью, бедностью водных и почвенных ресурсов, дефицитом атмосферных осадков, что, в свою очередь, обусловили крайне скудный растительный покров, резкие колебания его урожайности, посезонно-зональные особенности вегетации, разреженность и низкую кормовую продуктивность пастбищного травостоя. Вследствие этого сложилась очень хрупкая экосистема, обладающая повышенной чувствительностью к внешним воздействиям и хозяйственной деятельности человека. В результате освоения человеком аридной зоны Евразии была выработана особая стратегия природопользования и социокультурной адаптации - кочевое скотоводческое хозяйство. Кочевничество на протяжении почти трех тысячелетий оставалось главной формой жизнедеятельности и способом существования населения на территории Казахстана. Земледелие всегда играло вспомогательную и второстепенную роль. Только в XX столетии в Казахстан пришло промышленное производство и начался процесс урбанизации.

Одной из причин экстенсивного пути развития Казахстана было также нахождение на периферии, окраине, далеко от центров цивилизации и от связывающих их основных магистралей. Экономико-географическое положение не способствовало заимствованию технологических достижений развитых стран. Конечно, здесь можно сказать, что Казахстан граничил с историческими цивилизациями – Китаем, Россией, исламским миром.

Однако, проблема состояла в том, что они обращены к Казахстану своими перифериями, центры этих цивилизаций удалены от казахских степей. Соответственно эти приграничные территории по уровню развития похожи естественно на соседние. Поэтому, сложилась уникальная ситуация: если для многих других стран ключевым фактором являлся выход к морю, то для казахов – это было соседство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, географический фактор не определяет пути развития страны, он придает ей индивидуальность: сама обширность территории, пространственная протяженность, и суровость ее климата, огромные просторы страны явились важнейшим государствообразующим фактором, а также обусловили своеобразные формы этнополитической организации, внешней политики, социального устройства, менталитета, модели экономики и хозяйствования, а также темпы исторического развития казахского народа и его государственности. Географическое расположение во многом предопределило историческую судьбу казахского народа. История казахского народа очень драматична, полна вызовов и взрывов. Перипетии истории превратили страну в политический организм, где жили и живут большие группы народов, этносов и культур, и способствовали формированию в широком евразийском географическом пространстве - евразийской цивилизационной идентичности, в том числе толерантности и цивилизационной открытости, а также способности усваивать ценности, исходящие как с Запада, так и с Востока.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бартольд, 1947 - Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. // Фрунзе: Киргизгосиздат. 1947. 104 с. Pdf
2. Бартольд, 1968 - Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии//Соч. - Т.V. - М.: Наука, 1968. - С. 17 - 192.
3. Боден, 2000 - Боден Ж. Метод легкого познания истории / Ж.Боден ; Отв. ред. М.С.Бобкова. - М.: Наука, 2000. - 411 с.
4. Вернадский, 2002 - Вернадский Г.В. Начертание русской истории/Предисловие С.Б.Лаврова. - М.:Айрис-пресс, 2002.-368 с.

-
5. Гумилев, 2002 - Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало : Популярныe лекции по народоведению. - СПб.: СЗКО, Издательский Дом «Кристалл», 2002. - 416с.
 6. Даль, 2012 - Даль В.И Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] / В. Даль. – Вологда : ВОУНБ, 2012. <http://www.booksite.ru/fulltext/dal/dall/index.htm> (дата обращения 29.03.2024).
 7. Ерофеева, 1996 - Ерофеева И.В. А.И. Левшин и его труд «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей» //Левшин А. И. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей / под общ. ред. М.К. Козыбаева. – Алматы, 1996. - 656 с.
 8. Зиманов и др. - Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Академия наук Казахской ССР, Институт философии и права. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1958. - 296 с.; Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. АН КазССР, Ин-т философии и права. - Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. - 296 с.; Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. Вопросы образования, эволюции и разложения. - Алма-Ата, 1964. - 205 с.; Артыкбаев Ж.О. Кочевники Евразии (в калейдоскопе веков и тысячелетий). - СПб.: Мажор. 2005. - 320 с.; Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII-начале XX вв. - Алма-Ата, 1971. – 635 с.; Масанов Э.А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР/ АН Каз. ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. – Алма-Ата: Наука, 1966. – 322 с.; Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов - основы жизнедеятельности номадного общества. - Алматы - М., 1995. – 320 с.
 9. Левшин, 1996 - Левшин А.И. Описание киргиз - казацких, или киргиз - кайсацких, орд и степей // под общ. ред. М. К. Козыбаева. – Алматы, 1996. - 656 с.
 10. Маркс, 1960 - Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— Т. 23. ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Москва, 1960. – 900 с.
 11. Масанов, 1995 - Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы «Социнвест» - Москва «Горизонт», 1995. - 320 с.
-

12. Материалы по истории казахских ханств, 1969 - Материалы по истории казахских ханств XV - XVIII веков: извлечения из персидских и тюркских сочинений. - Алма-Ата, Наука КазССР, 1969. - 651 с.
13. Монтескье, URL - Монтескье Ш. О духе законов [Электронный ресурс] URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (дата обращения 29.03.2024).
14. Муканов, 1991 - Муканов М. С. Этническая территория казахов в XVIII - начале XX веков. - Алма-Ата: КАЗАХСТАН, 1991. - 64с.
15. Сборник материалов, 1941 - Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. - Т. I. - СПб., 1884. М.- Л., Изд-во АН СССР, 1941. 291 с.
16. Электронный ресурс - https://www.akorda.kz/ru/republic_of_kazakhstan/kazakhstan#
Электронный ресурс - <http://www.polit-slovar.ru/dictionary/1111/>

THE INFLUENCE OF NATURAL AND GEOGRAPHICAL FACTORS ON THE HISTORICAL PROCESSES OF THE ORIGIN AND FORMATION OF THE ETHNOPOLITICAL ORGANIZATION OF THE KAZAKH PEOPLE

Abstract. In modern conditions, the integration processes taking place in history and geography put on the priority the need for a conceptual understanding of the interrelationships of nature and human society. The ethnic group is inextricably linked with the landscape zone in which it arises and develops. When studying the history of any nation, the key factor, the force that holds the cradle of each nation in its hands, is the nature of the country. The influence of natural, climatic and geographical factors on the specifics of history was noted by almost all researchers of the originality of the historical process. The geographical landscape where the ethnos has developed and developed to a certain extent influences the emergence and functioning of various forms of political organization and social structure. The purpose of the study is to consider the influence of the geographical factor on the ethno-political processes in the steppe, as well as the historical processes of the origin and peculiarities of the Kazakh statehood. Based on historical materials and using the concept of geographical determinism, the article shows the influence of natural, climatic and geographical factors on the political organization and social structure of the state, as well as on the spiritual life of a person and the nation as a whole.

Keywords: Kazakh Khanate, Kazakhs, ethno-political history, history of Kazakhstan, statehood, the period of the second half of the XV - first half of the XVIII centuries, the geographic factor.

ТАБИҒИ ЖӘНЕ ГЕОГРАФИЯЛЫҚ ФАКТОРЛАРДЫҢ ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ ЭТНОСАЯСИ ҰЙЫМЫНЫҢ ПАЙДА БОЛУЫ МЕН ҚАЛЫПТАСУЫНЫҢ ТАРИХИ ПРОЦЕСТЕРІНЕ ӘСЕРІ

Аңдатпа. Қазіргі жағдайда тарих пен географияда болып жатқан интеграциялық процестер табиғат пен адамзат қоғамының өзара байланысын тұжырымдамалық тұрғыдан түсіну қажеттілігін кезекке қояды. Этнос пайда болатын және дамитын ландшафттық аймақпен тығыз байланысты. Кез-келген халықтың тарихын зерттеу кезінде әр халықтың Бесігін өз қолында ұстайтын күш - бұл елдің табиғаты. Табиғи-климаттық және географиялық факторлардың тарихтың ерекшелігіне әсерін тарихи процестің барлық дерлік зерттеушілері атап өтті. Этнос қалыптасқан және дамыған географиялық ландшафт белгілі бір дәрежеде саяси ұйым мен әлеуметтік құрылымның әртүрлі формаларының пайда болуы мен жұмысына әсер етеді. Зерттеудің мақсаты-географиялық фактордың даладағы этносаяси процестерге, сондай-ақ қазақтардың пайда болуының тарихи процестері мен мемлекеттілігінің ерекшеліктеріне әсерін қарастыру. Мақалада тарихи материалдар негізінде және географиялық детерминизм тұжырымдамасы арқылы табиғи-климаттық және географиялық факторлардың мемлекеттің саяси ұйымы мен әлеуметтік құрылымына, сондай-ақ адам мен жалпы ұлттың рухани өміріне әсері көрсетілген.

Түйінді сөздер: Қазақ хандығы, қазақтар, этносаяси тарих, Қазақстан тарихы, мемлекеттілік, XV ғасырдың екінші жартысы - XVIII ғасырдың бірінші жартысы, географиялық фактор.

Сведения об авторе: Асанова Гульмира Кабыланқызы, кандидат исторических наук (PhD), ассоциированный профессор, Astana International University, Астана, Республика Казахстан, <https://orcid.org/0009-0008-5404-8313>. E-mail: agk569@mail.ru

Автор туралы мәлімет: Асанова Гульмира Кабыланқызы, тарих ғылымдарының кандидаты (PhD), қауымдастырылған профессор, Astana International University, Астана, Республика Казахстан, <https://orcid.org/0009-0008-5404-8313>. E-mail: agk569@mail.ru

Information about the author: Asanova Gulmira Kabylinkyzy, Candidate of Historical Sciences (PhD), Associate Professor, Astana International University, Astana, Republic of Kazakhstan, <https://orcid.org/0009-0008-5404-8313>, E-mail: agk569@mail.ru